

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

6/2015

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

к. ю. н., доц. **О. Г. Алексеева**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (*зам. гл. редактора*); д. ю. н., проф. **В. С. Бельх**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; к. ю. н., доц. **М. В. Гончаров**; д. ю. н., проф. **Л. Я. Драпкин**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; к. ю. н., доц. **Ю. В. Козубенко**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **В. В. Круглов**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Невинский**; к. ю. н., доц. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Ю. Н. Стариллов**; д. ю. н., проф. **И. А. Тарханов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; проф. **Хуан Даосю** (Китай); проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief — **I. V. Fedorov** (candidate of law, associate professor)

O. G. Alekseeva (candidate of law, associate professor); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of law, associate professor); **V. S. Belyh** (doctor of law, professor); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of law, professor); **O. G. Geymur** (candidate of law, associate professor); **S. Yu. Golovina** (doctor of law, professor); **M. V. Goncharov** (candidate of law, associate professor); **L. Ya. Drapkin** (doctor of law, professor); **D. V. Zhernakov** (candidate of law, associate professor); **S. K. Zagaynova** (doctor of law, professor); **S. V. Kodan** (doctor of law, professor); **I. Ya. Kozachenko** (doctor of law, professor); **Yu. V. Kozubenko** (candidate of law, associate professor); **Ja. Koistinen** (candidate of law) (Finland); **A. N. Kokotov** (doctor of law, professor); **T. V. Kondrashova** (candidate of law, professor); **V. V. Kruglov** (doctor of law, professor); **T. E. Loginova** (candidate of law, associate professor); **I. P. Malinova** (doctor of philosophy, professor); **V. P. Motrevitch** (doctor of history, professor); **V. V. Nevinskiy** (doctor of law, professor); **D. V. Osintsev** (candidate of law, associate professor); **P. Policastro** (professor) (Poland); **V. F. Popondopulo** (doctor of law, professor); **O. N. Rodionova** (candidate of law, associate professor); **R. K. Rusinov** (candidate of law, professor); **P. I. Savitskiy** (doctor of law, professor); **Yu. N. Starilov** (doctor of law, professor); **I. A. Tarkhanov** (doctor of law, professor); **V. L. Tolstykh** (doctor of law, associate professor); **A. Trunk** (doctor of law, professor) (Germany); **M. Yu. Fedorova** (doctor of law, professor); **Huang Daoxiu** (professor) (China); **P. Schoukens** (professor) (Belgium)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20. electronic.ruzh.org.

E-mail: ruzh@usla.ru, ruzh93@hotmail.com.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

© Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2015. № 6

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Архипов С. И. (Екатеринбург) Правовые теории Роберта Алекси и Лона Фуллера 5

Иванский В. П. (Москва) Общественный договор как информационно-квантовый результат конституирования состояний правосознания *homo juridicus* 17

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Ергашев Е. Р. (Екатеринбург) О современных проблемах прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие 35

Огурцова М. Л. (Москва) Состояние законности в сфере соблюдения жилищных прав детей-сирот 43

ХРОНИКА

70-летний юбилей ООН и развитие международного права 50

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- Arkhipov S. I. (Yekaterinburg)* The legal conceptions
by Robert Alexy and Lon Fuller 5
- Ivanskiy V. P. (Moscow)* Contractual theory
as the information-quantum result of constitution
of legal awareness conditions of *homo juridicus* 17

PROCURACY SUPERVISION

- Ergashev E. R. (Yekaterinburg)* On the current problems
of the procuracy supervision over the legitimacy
of actions taken by the preliminary investigation bodies 35
- Ogurtsova M. L. (Moscow)* The condition of lawfulness in the sphere
of orphans' housing rights 43

CHRONICLE

- 70 years of the UN and problems of development of international law 50

ПРАВОВЫЕ ТЕОРИИ РОБЕРТА АЛЕКСИ И ЛОНА ФУЛЛЕРА

Архипов Сергей Иванович

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: arhip10@mail.ru

Исследуются правовые взгляды Роберта Алекси и Лона Фуллера, чьи теории являются современными версиями антипозитивистского типа правопонимания. Главный вопрос, который поднимают ученые, касается соотношения морали и права. Подробно анализируется проблема действительности правовой системы, обсуждаемая в работах Р. Алекси и Л. Фуллера. Также рассматриваются тезис о дуальной природе права, соединении в нем двух начал (идеального и реального, или фактического), проблема крайней несправедливости права (Р. Алекси), вопрос о разграничении морали долга и морали стремлений, проблема «внутренней моральности права» (Л. Фуллер).

Ключевые слова: теория права, антипозитивизм, мораль, действительность права, дуальная природа права, крайняя несправедливость права

THE LEGAL CONCEPTIONS BY ROBERT ALEXY AND LON FULLER

Arkhipov Sergey

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: arhip10@mail.ru

The article researches the legal views by Robert Alexy and Lon Fuller that are the modern versions of anti-positivist interpretation of law. The central issue, raised by both scientists, touches upon the relationship between moral and law. The author analyzes in detail the problem of effectiveness of legal system discussed in Alexy's and Fuller's works. Also, the dual-nature thesis, or the synthesis of two origins in law – ideal and real (factual); the problem of ultimate inequity of law (R. Alexy); the distinction ought to be made between a moral of duty and a moral of intention; and the matter of «internal morality of law» (L. Fuller) are examined.

Key words: theory of law, anti-positivism, moral, validness of law, dual nature of law, ultimate inequity of law

Дискурсивная теория права Роберта Алекси

Роберт Алекси (р. 1945) – один из наиболее авторитетных не только в Германии, но и в мире теоретиков и философов права. Он профессор публичного права и философии права Кильского университета, а также почетный профессор многих американских и европейских университетов. Его концепция относится к числу влиятельных и перспективных в новейшей философии права непозитивистских (антипозитивистских) воззрений¹. Не случайно свою известную работу «Понятие и действительность права» он рассматривает как ответ юридическому позитивизму.

¹ См., например: Максимов С. И. Роберт Алекси: дискурсивное измерение права // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 12.

В основе теоретико-юридических представлений Р. Алекси лежит тезис о дуальной природе права, соединении в нем двух начал – идеального и реального (фактического). Фактическое начало в праве представлено элементами (социальными фактами) официального происхождения и социальной эффективности, а идеальное – элементами моральной правильности¹. Наличие идеального в праве предполагает необходимость критического отношения к юридическому позитивизму, вызывает потребность в формировании непозитивистской концепции права. В качестве глобальной, всеобъемлющей идеи права Р. Алекси называет идею институционализации разума, воплощения его в социальной действительности (данная идея, полагаем, основана на кантовских и гегелевских представлениях о праве как мире духа, разума).

Система права, по мнению Р. Алекси, проходит три этапа формирования: аргумент от имени идеального измерения права, аргумент от имени позитивности, или реального измерения права, и согласование идеального с реальным². Ученый пытается соединить естественноправовую проекцию (идеальное в праве, отождествляемое им с моральным) с позитивистской (реально действующее, официальное право). При определении идеального измерения права он исходит из предположения о том, что право с необходимостью предъявляет требование правильности, прежде всего моральной. Однако притязания морали, которые Р. Алекси сравнивает с притязаниями на истину и адресатами которых являются все без исключения, на деле оказываются субъективными, односторонними, поэтому не отвечающими критериям правильности. Решение данной проблемы, по его мнению, заключено в дискурсивной теории, суть которой состоит в том, что практическое или нормативное предложение истинно тогда, когда оно есть результат рационального практического дискурса, основанного на системе принципов, правил, требующих непротиворечивости, ясности языка, достоверности, искренности. Процедурное ядро этой системы представляют собой правила, гарантирующие свободу и равенство в дискурсе, обеспечивающие всем право участвовать в дискурсе, задавать вопросы, отстаивать любые утверждения³.

Надо отметить, что критику в юридической литературе вызвал не только тезис о притязаниях морали на объективность и правильность, но и тезис о способности права выдвигать моральные или иные притязания. Отвечая на высказывания оппонентов о том, что право в принципе не может иметь какие-либо притязания, Р. Алекси уточняет, что притязания предъявляют от имени права люди, причем не только обладающие официальными полномочиями, но и не наделенные ими (он именует их «представителями права»)⁴.

Правовая система не ограничивается идеальным измерением, моральными притязаниями, она обращена и к практической стороне социальных конфликтов, столкновений общественных и индивидуальных интересов. Чтобы предотвратить хаос, анархию, войну всех против всех, моральные притязания должны быть обеспечены соответствующими процедурами, т. е. реализуемы. Поэтому идеальное измерение следует дополнить реальным, позитивным правом, для которого характерны официальные источники и социальная эффективность. Речь идет не о механическом соединении идеального с реальным, а об их синтезе; дуальная природа права «требует, чтобы оба они (принцип справедливости и принцип юридической определенности. – С. А.) при-

¹ Алекси Р. Дуальная природа права // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 19.

² Там же.

³ Там же. С. 24–25.

⁴ Там же. С. 20.

менялись в правильном соотношении. Когда будет установлено правильное соотношение, тогда будет достигнута и гармония правовой системы»¹.

Решая проблему согласования принципов справедливости и юридической определенности, Р. Алекси предлагает установить дальнюю границу права в виде крайней несправедливости. При этом он руководствуется известной формулой Густава Радбруха «Крайняя несправедливость не является правом»². Пока несправедливость не становится нетерпимой, не переступает черты, она входит в понятие права, пусть дефектного, но действительного. До Р. Алекси и Г. Радбруха принцип нравственного минимализма в праве отстаивали Г. Еллинек, для которого право – это не что иное, как этический минимум, объективно – условия сохранения общества, субъективно – минимум нравственной жизнедеятельности и нравственного настроения³, а также В. Соловьев, определявший право как принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла⁴. В этом смысле Р. Алекси можно назвать продолжателем сформированного Г. Еллинеком и В. Соловьевым подхода к пониманию права с точки зрения его соотношения с нравственностью.

Р. Алекси рассматривает право как систему норм, которая включает: 1) притязание на правильность; 2) нормы, принадлежащие к социально действенной конституции и не являющиеся крайне несправедливыми, а также нормы, установленные на основе конституции; 3) принципы и иные нормативные аргументы, на которых основывается и (или) должна основываться процедура правоприменения, чтобы соответствовать притязанию на правильность⁵. Следовательно, право для него – это прежде всего нормы, отвечающие установленным критериям, а также принципы и иные нормативные аргументы, посредством которых обосновывает или должен обосновывать свои решения судья или иной правоприменитель в ситуации правовой неопределенности. Критерий правильности (притязание на правильность) имеет для Р. Алекси классифицирующее значение: системы норм, которые прямо или косвенно не притязают на правильность, он не относит к правовым системам. Критерий социальной действенности предполагает возможность принуждения (которое в развитых правовых системах является государственным) в виде санкций за несоблюдение конституционных и принятых на их основе норм, а также доминирующее положение среди конкурирующих систем норм⁶. Речь идет не о том, что каждая норма как часть правовой системы должна исполняться, иначе вся система будет признана неправовой, а лишь об общем и целом действенной конституции и принятых в соответствии с ней нормативных положениях, установленных надлежащим образом.

Дальнюю границу права, где действуют внеправовые (моральные) критерии, Р. Алекси демонстрирует на примере двух решений Федерального конституционного суда Германии.

¹ Алекси Р. Дуальная природа права. С. 27.

² В ранних работах Г. Радбрух отстаивал позицию, согласно которой справедливость составляет цель права, но эта цель «умирает с той минуты, как она дала жизнь праву, и право продолжает жить, как бы оно ни было непохоже на своего создателя. Цель составляет основание создания, а не существования права; последнее, наоборот... идет своим собственным путем и само делается целью, самоцелью» (Радбрух Г. Введение в науку права. М., 1915. С. 130).

³ Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 48.

⁴ Соловьев В. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. Спб., 1897. С. 28.

⁵ Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М.; Берлин, 2011. С. 157.

⁶ Там же. С. 159.

В первом решении (постановлении о гражданстве 1968 г.) предметом правового анализа было постановление Третьего рейха от 25 ноября 1941 г. № 11, лишившее германского гражданства эмигрировавших евреев по расовым признакам. Согласно позиции Федерального конституционного суда противоречие справедливости в данном постановлении достигло такой степени невыносимости, что оно должно было рассматриваться как ничтожное с момента его принятия. Р. Алекси считает изложенную в решении 1968 г. позицию суда классическим аргументом не(анти)позитивистов: надлежащим образом (с формально-юридической точки зрения) установленная, действующая на протяжении долгого времени норма не признается правовой на основании моральных критериев, поскольку она не отвечает фундаментальным принципам справедливости, нарушает надпозитивное право¹.

Второе решение касается гражданско-правовой сферы. В одном из немецких еженедельных журналов было опубликовано вымышленное интервью с принцессой последнего шаха Ирана. Поскольку оно затрагивало частную жизнь принцессы, нарушало ее законные интересы, возник судебный спор о возмещении морального вреда. Согласно § 253 Гражданского уложения Германии возмещение морального вреда в виде денежной компенсации невозможно, кроме случаев, специально указанных в законе. Федеральный верховный суд вопреки тексту закона принял решение о выплате денежной компенсации. Федеральный конституционный суд в постановлении 1973 г. одобрил практику Федерального верховного суда, руководствуясь тем, что право не идентично совокупности писаных законов государственной власти, наряду с ними «при определенных обстоятельствах может существовать иное право, которое имеет свой источник в конституционном правопорядке... Найти его и применить в решении – задача судебной власти»².

В обоих решениях Федерального конституционного суда Германии, по мнению Р. Алекси, был преодолен формализм юридического позитивизма, идеальная природа права вышла из тени судебной практики.

Достоинства и недостатки теории Роберта Алекси. Анализируя концепцию права Р. Алекси, можно прежде всего отметить ее глубокую философскую осмысленность, системность, целостность ее положений, тщательную проработку автором ее исходных пунктов, логически выверенную цепочку выводов. В основе подхода ученого к праву лежит отличное знание трудов предшественников и современных философов права, мощный интеллектуальный фундамент.

Достоинством его теории, на наш взгляд, также служит указание на дуальную природу права. Такой подход позволяет, с одной стороны, рассмотреть право в том виде, в котором оно на данный момент существует, в его несовершенстве, внутренних противоречиях, конфликтах (как «реальную правовую жизнь»); с другой – познать право как мир духа, открыть для себя и для других «разум» правового предмета, логику правового развития, постичь правовую систему с точки зрения ее рациональности, «предъявляемых» ею требований правильности. Кроме того, в теории Р. Алекси особую ценность имеет ее процедурная сторона: право считается результатом рационального практического дискурса, основанного на системе специальных принципов, правил, требований, соблюдение которых обеспечивает осуществление в социальной сфере притязаний разума.

¹ Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). С. 7.

² Там же. С. 9.

К числу спорных положений анализируемой теории, как и либертарной теории права, воззрений Н. Лумана, Ю. Хабермаса, ряда других авторов, можно отнести ее «философскую отчужденность», оторванность от «правовых реалий», от применяемых в законодательстве и судебной практике нормативных конструкций и понятий. Именно отсутствие правового «лифта», позволяющего переносить философские идеи на правовую почву, вживлять их в правовое сознание, переформатировать в правовые понятия, является «ахиллесовой пятой» многих высокоабстрактных теорий права, к числу которых, на наш взгляд, принадлежит и концепция Р. Алекси.

Кроме того, автора дискурсивной теории права можно упрекнуть в отсутствии в его концепции четких водоразделов, позволяющих однозначно отделить право от других регулятивных и коммуникативных социальных систем, в первую очередь от морали. Немецкий ученый гораздо больше внимания уделяет элементам, которые их объединяют. В отличие, например, от системы представлений Н. Лумана, в которой право выступает в качестве автономной, самовоспроизводящейся системы, в теории Р. Алекси автономность, самоценность права, его системная целостность завуалированы. Идеальное в праве он, по сути, отождествляет с моральным, разумность права как системы сводит к моральной правильности, юридические вопросы подменяет моральным распределением и компенсациями. «Аморальности» позитивизма он противопоставляет другую крайность – морализацию правовой сферы, предъявление правовому сообществу императивных требований несуществующей всеобщей морали. На данное обстоятельство обращает особое внимание Е. В. Булыгин. По его мнению, тезис о моральной правильности в теории Р. Алекси предполагает наличие понятийной связи между любой правовой системой, с одной стороны, и неизменной системой морали – с другой, т. е. основывается на признании универсальной объективной морали, что разделяют все законодатели мира; правовая система, не притязающая на моральную правильность, не является правовой¹.

Р. Алекси механически переносит нормы морали, частной сферы как одного из многих социальных регуляторов в область глобальной правовой коммуникации, произвольно возводит их в ранг всеобщих правовых начал без их критического переосмысления, «переплавки», исходя лишь из логики правового предмета. Согласно дискурсивной теории права юристы по неясным причинам должны руководствоваться не правовыми принципами, идеалами, а внешними для них моральными императивами, следовать этике, а не закону. Если у Канта обязанности по долгу и справедливости «покоятся на всеобщем законе права»², то у Р. Алекси – наоборот, всеобщий закон права нуждается в моральном обосновании и признании. Идеальное содержание права, таким образом, в теории Р. Алекси не вполне идеально, оно не просто определяется требованиями моральных норм, но и ограничивается шкалой крайней несправедливости. Мало того, что оно отнюдь не правовое, но оно еще и не вполне справедливое!

Также слабым пунктом теории Р. Алекси, на наш взгляд, является смешение в ее рамках политической и правовой сферы. Правовой дискурс, по Р. Алекси, существует в политической форме (в форме демократического конституционализма); ученый

¹ Булыгин Е. В. Тезис Алекси о необходимой связи между правом и моралью // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 39. Г. Радбрух также отмечал: «Сколько есть совестей, столько возможных нравственных систем, – но над всеми ими царит один лишь правовой строй!» (Радбрух Г. Указ. соч. С. 5).

² Кант И. Из «лекций по этике» (1780–1782 гг.) // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. М., 1988. С. 306.

не устанавливает четкого различия между правовым и политическим процессами. Демократия для него – самый важный элемент в процедурной стороне правового дискурса, она рассматривается и как процедура принятия правовых решений, и как процедура аргументации. Если сопоставить выдвигаемые им принципы, правила правового дискурса (непротиворечивость, ясность языка, достоверность эмпирических предпосылок, искренность, стремление к сбалансированности, универсализуемости и генезису нормативных доводов) с демократией как процедурой принятия решений, то можно усомниться в том, что это именно та процедура, которая обеспечивает непротиворечивость, объективность, искренность, сбалансированность и т. д.

Известный исследователь демократии Алексис де Токвиль утверждал прямо противоположное: законы, создаваемые в рамках демократической формы правления, «почти всегда несовершенно или несвоевременны», демократия «часто против своей воли действует себе во вред»¹; демократические законы «исходят от большинства граждан, которые могут ошибаться, но не могут выражать интересов, противоположных своим собственным»². Даже Томас Джефферсон, демократ из демократов, в письме к Д. Мэдисону вынужден был признать несовершенство американских демократических законов и их существенный недостаток – нестабильность³.

Важно, что демократия как форма политического властвования большинства над меньшинством не может гарантировать свободу и равенство всех участников правового дискурса (на чем настаивает Р. Алекси), поскольку ее цель не правовая – не совмещение правовых интересов, произволов лиц (Кант), не свобода каждого лица как таковая, а политическая – осуществление воли большинства; демократия есть политическая форма коммуникации. Не случайно ее нередко характеризуют как всевластие, всеислие, произвол, деспотизм или тиранию большинства⁴. Демократические процедуры не соответствуют заявленным Р. Алекси принципам и задачам правового дискурса, для их соблюдения и достижения нужны другие, юридические, процедуры и соответствующие им беспристрастные профессиональные судьи, а также законодатели, для которых организация правового общения – отдельное ремесло.

«Процедурная» теория права Лона Фуллера

Лон Фуллер (1902–1978) – известный американский правовед, представитель гарвардской школы права, чьи работы лишь недавно были опубликованы в России. Его взгляды в российской юридической литературе интерпретируются по-разному: одни видят в нем сторонника естественноправового («нового») подхода к пониманию права, другие – противника данного направления⁵, третьи – представителя «интегративного правопонимания»⁶.

Л. Фуллер, как и Р. Алекси, является приверженцем «формулы Радбруха» и в качестве главной теоретико-правовой проблемы видит соотношение права и морали.

¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр. М., 1992. С. 185.

² Там же. С. 184.

³ Там же. С. 164.

⁴ Там же. С. 194, 195, 197, 199–202, 204.

⁵ В. В. Лапаева считает, что Л. Фуллер использует термин «естественное» не в метафизическом, а в позитивистском значении (Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 256 и след.).

⁶ Поляков А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Рос. ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 35. В. В. Архипов полагает, что интегративность концепции Л. Фуллера имеет лингвистический характер, связана прежде всего с многозначностью и гибкостью языка (Архипов В. В. Post-mortem: «Анатомия права» Лона Л. Фуллера // Там же. 2009. № 2. С. 194).

Именно мораль, по мнению Л. Фуллера, делает возможным существование права. Он выделял два типа морали: мораль стремления и мораль долга. Мораль стремления связана с наиболее полной реализацией человеческих сил, с достижением совершенства; мораль долга – это фундамент, базовые нормы, без которых невозможно существование общества¹.

Мораль согласно взглядам Л. Фуллера представляет собой своего рода шкалу, в нижней части которой – элементарные требования общественной жизни, продиктованные насущной необходимостью (мораль долга), в верхней – стремление к совершенству, достижению социальных идеалов, не требующих возложения на человека обязанностей, его принуждения к социально полезному поведению (мораль стремления). Мораль долга наиболее тесно связана с правом, запреты «Не убий», «Не укради», «Не лжесвидетельствуй» имеют не только моральный, но и очевидный правовой характер. Кроме прямых запретов, мораль долга может быть выражена в форме обязанности совершать активные социально полезные действия. Мораль стремления, с точки зрения Л. Фуллера, не является «ближайшим родственником» права, а близка к эстетике, их объединяет устремленность к идеалу (для морали – рациональному идеалу человеческих отношений, социальной коммуникации; для эстетики – идеалу чувственного отношения к миру, к прекрасному). Однако мораль стремления все же связана с правом, но не через конкретные дозволения, обязанности или запреты, а через определение общей картины человеческого прогресса, поиск высших социальных ориентиров, формирование внешних для права критериев, оценку создаваемых законодателем юридических норм.

Л. Фуллер полагал, что право включает в себе принципы, положения (он их именовал «внутренней моралью права»), представляющие собой некую разновидность естественного права, но не того, которое обуславливает материальные цели юридических норм, их социальное предназначение, а того, которое устанавливает процедуры, порядок, способы их разработки и внедрения в жизнь. Процедурные принципы, положения он причислял к «низшим» законам естественного права (соответственно «высшие» законы в его шкале естественноправовых ценностей относятся к «материальному» естественному праву), к своего рода «плотницким» правилам юридического ремесла и обозначал их термином «процедурное естественное право»².

Л. Фуллер утверждал, что система норм должна иметь внутренние критерии юридического совершенства, выступающие в качестве непереносимых условий ее существования как правовой системы. Хотя процедурные нормы и не входят в число «высших» естественноправовых законов, тем не менее в них, по его мнению, реализуется не только мораль долга, но и мораль стремления. По Л. Фуллеру, законы можно признать юридически совершенными, если они: 1) обладают системным и нормативным характером³ (включают не казуальные положения, частные указания, а только общие правила); 2) известны гражданам и другим субъектам права – их адресатам (критерий доступности, обязательности обнародования законов); 3) не имеют обратного действия, не распространяются на отношения, возникшие до их вступления в силу

¹ Фуллер Л. Мораль права. М., 2007. С. 14–15.

² Там же. С. 118.

³ Л. Фуллер относил конституционные положения, лишаящие законной силы «частные законы», исходя из морального критерия их несправедливости, к внешней морали права; если же, по его мнению, опираться на внутреннюю мораль права, то должны существовать хоть какие-то нормы, общие положения, независимые от их справедливости или несправедливости (Фуллер Л. Мораль права. С. 62–63).

(критерий недопустимости обратной силы закона); 4) понятны для всех; 5) внутренне непротиворечивы; 6) не превышают пределы возможностей тех лиц, кому поручено их исполнение (не требуют невозможного); 7) не подвергаются частым изменениям, препятствующим их исполнению (требование постоянства закона с точки зрения его действия во времени); 8) соответствуют своему фактическому применению (требование согласованности официальных действий с положениями законов). Перечисленные критерии юридического совершенства законов едва ли можно назвать открытием в юриспруденции, поскольку эти правила давно известны правоведам и традиционно относятся к разряду технико-юридических положений, учитываемых при осуществлении правотворческой деятельности. В системе же представлений Л. Фуллера они рассматриваются как элементы внутренней морали права, приобретают морально-правовой смысл, интерпретируются в другом ключе – как свод этических правил, адресуемых законодателю.

По мнению Л. Фуллера, право можно определить посредством единственной формулы «Это предприятие, направленное на подчинение поведения человека руководству правил»¹. Здесь право трактуется как целенаправленная, систематическая социальная деятельность, цель которой – подчинение человека установленным правилам. Приведенное определение внешне напоминает дефиниции тех авторов, которые в основе права видят организованное насилие, принуждение. Однако нам известно, что Л. Фуллер не разделял данный подход, не признавал насилие или угрозу его применения в качестве отличительного признака права. По его убеждению, система правовых норм может потерять эффективность, если будет базироваться на насилии. Он также отрицал теоретическое «родство» своих исходных представлений с концепциями, отождествляющими право с формальным иерархическим порядком власти или управления, поскольку для него принципиально важным являлось само содержание порядка и то, как он создается.

Целенаправленные усилия по подчинению поведения человека правилам, по мнению Л. Фуллера, могут быть успешными в той или иной степени, не всегда достигая искомого результата. Как отдельные нормы права, так и правовые системы в целом «могут существовать наполовину и, более того, именно в таком виде зачастую и существуют»². Уровень успеха правового предприятия, таким образом, может варьироваться от нулевого и до максимального – теоретического совершенства. Л. Фуллер допускал действие в рамках одной страны нескольких правовых систем одновременно, причем его вывод касался не только федеративных государств, где есть и право федерации и право ее субъектов, но и других стран. Деятельность правового предприятия осуществляется не на одном, двух или трех, а на многих участках: в церквях, школах, бесчисленных коммерческих и некоммерческих корпорациях, учреждениях и т. д. В соответствии с представлениями Л. Фуллера в каждой стране есть тысячи «правовых систем», которые возникают не на договорной основе (как элементы договорного права), а на конституционно-правовой и производны от отрасли конституционного права.

Право согласно концепции Л. Фуллера существует не только в нормативных документах («книжное право»), но и в поведении субъектов («право в действии»). Он

¹ Исходя из комментариев Л. Фуллера, уточняющих данную дефиницию, право можно также определить как систему, направляющую человеческое поведение посредством норм (Фуллер Л. Мораль права. С. 129–130).

² Фуллер Л. Мораль права. С. 147.

приводил в пример гипотетическую ситуацию: в некоей стране Едгин долгое время функционирует законное, демократическое, конституционно избранное правительство, которое свергается диктатором и вынуждено скрываться на территории другого государства. Там оно продолжает свою законодательную деятельность, назначает и отстраняет членов правительства, которые не в состоянии реально влиять на политические процессы в своей стране. В течение некоторого времени, по его мнению, правительство в изгнании будет рассматриваться в качестве истинного правительства страны Едгин, а издаваемые им нормы – соответственно в качестве правовых. Однако если такое положение дел затянется, то неприменяемые (недействующие) нормы уже неправильно будет называть правом, поскольку они потеряют связь с реальными отношениями. Если корни правового дерева мертвы, то, как считал автор «процедурной» теории, его детище – правовая система – отмирает, однако в тех случаях, когда мертва лишь одна его ветвь, мы относимся к ней как к живой¹. Таким образом, Л. Фуллер полагал, что существование права зависит и от текста закона («слова»), и от действий правовых субъектов («дела»).

Анализируя источники права, к числу которых ученый причислял законодательные установления, обычное право, договорное право и судебское право, Л. Фуллер выделял так называемое созданное право и имплицитное. Прототипом, прообразом созданного права он называл закон, а наиболее подходящим образцом, моделью имплицитного права – обычное право². В основу закона заложена воля человека, закон представляет собой выраженное в словах (в тексте) решение законодательного органа, которое вступает в силу по строго определенным правилам, отсекая (за некоторыми исключениями) прошлое, т. е. распространяя свое действие лишь на отношения, возникающие в будущем. Обычное же право никем не провозглашается, не издается, у него нет конкретного автора и конкретной даты начала его действия, оно формируется и развивается, как правило, в течение долгого времени, находит воплощение не в словах, а в поведенческих актах. По мнению Л. Фуллера, право нельзя отождествлять только с созданными законодателем предписаниями (на чем настаивают представители юридического позитивизма), оно включает также имплицитное право. Имплицитное право в концепции ученого не есть нечто принципиально отличное от учрежденного законодателем правового порядка, противостоящее ему, они взаимопроникают друг в друга.

Достоинства и недостатки теории права Лона Фуллера. К числу достоинств правовой теории Л. Фуллера, на наш взгляд, можно отнести широкий, многоаспектный подход автора к изучению правовой сферы, ее элементов, а также источников права. Анализируя право, он, в отличие, например, от представителей юридического позитивизма, не ограничивался текстами законов, других нормативных правовых актов, а обращался также к результатам деятельности судебных и иных правоприменительных органов («слово» и «дело»). Для ученого право – это не только результат целенаправленных усилий официально уполномоченных органов («созданное право»), но и имплицитные нормы, образцы поведения людей, в том числе обычаи и некоторые иные формы социального взаимодействия («официальное» и «неофициальное» право). Согласно позиции Л. Фуллера право возникает не только в национальных парламентах, кабинетах органов законодательной власти, но и в университетах, школах, больницах, коммерческих организациях, профессиональных

¹ Фуллер Л. Анатомия права // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 212.

² Там же. С. 243.

союзах, иначе говоря, на многих «фронтах». Такой широкий подход к пониманию права дает возможность осознать его многомерность, оценить современное право как сложный, полиструктурный комплекс, состоящий как из статических, так и из динамических элементов. Не случайно, на наш взгляд, «процедурную» теорию права Л. Фуллера некоторые авторы относят к разряду интегральных правовых концепций, соединяющих разные аспекты понимания права.

Также заслуживает одобрения предложенная Л. Фуллером система критериев юридического совершенства законов, которую тоже можно рассматривать как совокупность этических принципов, адресованных законодателю. В случае их признания законодателем данные критерии могут служить ориентирами в деле дальнейшего развития правотворческого процесса, а также повышения ответственности законодателя за результаты его деятельности. В связи с этим представляется вполне оправданным предложение Л. Фуллера сформировать новую правовую науку («евномику»), призванную способствовать рационализации правотворчества, созданию разумных законов¹.

К числу достоинств концепции Л. Фуллера можно отнести и исследование им феномена правовых «полутеней», переходных правовых состояний, а также таких правовых процессов, в которых соединяются противоположные правовые тенденции. Он не только разграничивал правовые явления и процессы, противопоставлял их, но и пытался установить их взаимосвязи. В этом плане представляет интерес проведенный им анализ имплицитных элементов в созданном праве и, наоборот, созданных элементов в имплицитном праве. Л. Фуллер на различных примерах показывал, что нет такого права, которое целиком исходит от законодателя, в полной мере является его «детищем»; право опирается на обычаи, другие имплицитные нормы, в той или иной степени должно учитывать их требования. В свою очередь имплицитное право нуждается в формулируемых законодателем нормах, которые способствуют его эффективному функционированию, дополняя и развивая его положения.

Что касается недостатков теории Л. Фуллера, то некоторые критические замечания, ранее высказанные в отношении взглядов Р. Алекси, могут быть адресованы и американскому правоведам. Как и у Р. Алекси, у Л. Фуллера не проведена четкая граница между моралью и правом, сама идея существования в праве «внутренней морали» не способствует решению задачи разграничения двух социально-коммуникативных систем. Именно невозможность точного различения права и морали представляется «ахиллесовой пятой» в теории Л. Фуллера. Мораль, с точки зрения ученого, проникает во внутреннюю сферу правовой жизни, оказывая непосредственное влияние на профессиональную деятельность юристов. Процедурные нормы, правила юридического ремесла ставятся в зависимость от внешних моральных императивов, а не от собственных принципов правового устройства и коммуникации субъектов.

Вызывает возражения также предложенная Л. Фуллером дефиниция права как предприятия, направленного на подчинение человека правилам. Здесь автор, который неоднократно позиционировал себя в качестве представителя «нового» юснатурализма², главной целью предприятия «право» назвал подчинение людей действующим нормам. По существу, это позитивистское определение права, в котором не нашли отражения основополагающий посыл ученого, касающийся «внутренней моральности» права, предъявляемые им требования к законодателю в части соблю-

¹ Архипов В. В. Указ. соч. С. 201.

² Там же. С. 191.

дения критериев совершенства нормативных актов, идея создания благих законов и другие важные положения его «процедурной» теории права. Можно сделать вывод о том, что дефиниция права Л. Фуллера не выражает сути его теории.

Еще одним дискуссионным положением теории американского правоведа является тезис о природе рациональности права. Правовая рациональность трактуется им исходя из принципа «внутренней моральности» права, с одной стороны, и экономического расчета – с другой. По его мнению, при проектировании и создании правовой системы неизбежно появляется нечто подобное балансовой стоимости в бухгалтерском учете: «Основная рациональность права не может быть рациональностью логики и геометрии; она должна быть рациональностью экономического расчета: все вещи учтены, и, взвешивая издержки против преимуществ, X лучше, чем Y»¹. На наш взгляд, некорректность подхода Л. Фуллера в решении данной проблемы заключается в том, что правовую рациональность он пытается определить на основе внешних по отношению к праву критериев. Если же право рассматривать как самостоятельную систему социального взаимодействия, то необходимо выявить, зафиксировать его собственные критерии разумности, основанные на внутренних законах функционирования правовой сферы, а не заимствованные из экономических, политических теорий, этики или религиозных учений.

Библиография

Алекси Р. Дуальная природа права // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2.

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М.; Берлин, 2011.

Архипов В. В. Postmortem: «Анатомия права» Лона Л. Фуллера // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2.

Булыгин Е. В. Тезис Алекси о необходимой связи между правом и моралью // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2.

Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910.

Кант И. Из «лекций по этике» (1780–1782 гг.) // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. М., 1988.

Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012.

Максимов С. И. Роберт Алекси: дискурсивное измерение права // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2.

Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Рос. ежегодник теории права. 2008. № 1.

Радбрух Г. Введение в науку права. М., 1915.

Соловьев В. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. Спб., 1897.

Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр. М., 1992.

Фуллер Л. Анатомия права // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2.

Фуллер Л. Мораль права. М., 2007.

Bibliography

Aleksy R. Dual'naya priroda prava // Ros. ezhegodnik teorii prava. 2009. № 2.

Aleksy R. Ponyatie i dejstvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu). M.; Berlin, 2011.

Arhipov V. V. Postmortem: «Anatomiya prava» Lona L. Fullera // Ros. ezhegodnik teorii prava. 2009. № 2.

Bulygin E. V. Tezis Aleksy o neobxodimoj svyazi mezhdu pravom i moral'yu // Ros. ezhegodnik teorii prava. 2009. № 2.

Ellinek G. Social'no-ehlichesкое znachenie prava, nepravdy i nakazaniya. M., 1910.

¹ Фуллер Л. Анатомия права. С. 319.

Fuller L. Anatomiya prava // Ros. ezhegodnik teorii prava. 2009. № 2.

Fuller L. Moral' prava. M., 2007.

Kant I. Iz «lekcij po ehtike» (1780–1782 gg.) // Ehticheskaya mysl': nauchno-publicisticheskie chteniya. M., 1988.

Lapaeva V. V. Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika. M., 2012.

Maksimov S. I. Robert Aleksi: diskursivnoe izmerenie prava // Ros. ezhegodnik teorii prava. 2009. № 2.

Polyakov A. V. Proshhanie s klassikoj, ili kak vozmozhna kommunikativnaya teoriya prava // Ros. ezhegodnik teorii prava. 2008. № 1.

Radbrux G. Vvedenie v nauku prava. M., 1915.

Solov'ev V. Pravo i npravstvennost'. Ocherki iz prikladnoj ehtiki. Spb., 1897.

Tokvil' A. Demokratiya v Amerike / per. s fr. M., 1992.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР КАК ИНФОРМАЦИОННО-КВАНТОВЫЙ РЕЗУЛЬТАТ КОНСТИТУИРОВАНИЯ СОСТОЯНИЙ ПРАВОСОЗНАНИЯ *HOMO JURIDICUS*

Иванский Валерий Прокопьевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Российского университета дружбы народов (Москва),
e-mail: ivansky_valera@mail.ru

Сквозь призму постнеклассического типа научной рациональности исследуется государство как этапы развития общества – этноса, народа и нации. Указанные социоисторические организмы конституируются вследствие разрушения суперпозиции квантовой квазисистемы «общество» (высшего «Я»). На взгляд автора, в течение жизнедеятельности всего человечества было заключено четыре вида договоров как локализации четырех квантовых состояний – качеств правосознания, которые отражены в трактатах мыслителей разных эпох. Утверждается, что на определенном этапе развития правосознания общества ментальные скопления, присутствующие в тонкоматериальном пространстве, до такой степени увеличивают свой энергopotенциал, что начинают оказывать воздействие на ход историко-культурного развития народа. Квантовое состояние правосознания народа, при котором правовой резервуар пространственных мыслей не только влияет на поведение индивидуумов социума, но и управляет им, называется нацией и относится к четвертому виду общественного договора.

Ключевые слова: государство, правопорядок, информация, правосознание, «я»-паттерн, эгрегор, квазисистема «Я», квантовая система, договор

CONTRACTUAL THEORY AS THE INFORMATION-QUANTUM RESULT OF CONSTITUTION OF LEGAL AWARENESS CONDITIONS OF *HOMO JURIDICUS*

Ivanskiy Valeriy

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow),
e-mail: ivansky_valera@mail.ru

The article reveals features of the postnonclassical type of the scientific rationality in the light of which investigation of the state, viewed as the stages of development of the society – the ethnos, the people and the nation, is conducted. Meanwhile, the above-mentioned socio-historical organisms are constituted as a result of decomposition of the «society» (the higher «Self») quantum quasi-system superposition. Moreover, according to the author, individuals have concluded four types of contracts for the history of humankind being localizations of four quantum states. These are legal awareness qualities reflected in treatises of representatives of different eras. It's stated that, at a definite development stage of the legal awareness of the society, the mental clusters present in the subtle space increase their energy potential to the extent that they start having a correspondent impact on the course of the historical and cultural development of the people. The quantum condition of the legal awareness of the nation, in which the legal reservoir of spatial thoughts not only influences the behavior of individuals in the socium but also controls it, is called the nation and represents the fourth type of a social contract.

Key words: state, law and order, information, legal awareness, «self» pattern, egregore, quasi system «Self», quantum system, contract, theory, eidos

В рамках классической и постклассической науки преобладающее большинство договорных теорий возникновения государства разрабатывались на базе позитивистской методологии. Однако эти теории не раскрывают онтологической природы общественного договора как основания происхождения государства. Более того, несмотря на то что теория возникновения государства называется договорной, во многих научных публикациях и учебниках, посвященных политогенезу (государствогенезу), стороны договора или не описаны совсем, или охарактеризованы очень размыто. На наш взгляд, восполнить указанный пробел можно только в русле постнеклассического типа научной рациональности, в частности информационно-квантовой концепции происхождения государства.

Итак, попробуем обозначить причины возникновения государства и тем самым раскрыть его понятийную природу в рамках постнеклассического типа научной рациональности. Основу последнего составляют такие черты, как: 1) обращение к идеалистическому направлению в исследовании народа как государства, т. е. приоритет правосознания перед правовым бытием; 2) сосредоточение основного внимания на постижении государствообразующего народа как целостного явления; 3) осуществление поиска процессуальных факторов, влияющих на происхождение и становление государства; 4) изучение государства на основе знаний, полученных из различных отраслей науки (междисциплинарный характер); 5) расширение эпистемологического горизонта познания новых качеств государства через его квантовые состояния; 6) осмысление государствообразующего народа в качестве совокупности индивидуумов, проживающих на определенной территории; 7) исследование нелинейных связей между взаимодействующими субъектами как характеристик бессознательной сферы государствообразующего народа; 8) рассмотрение развития государства в контексте ценностных ориентаций коллективного правосознания; другими словами, ориентация публично-правового механизма на обеспечение совершенствования «духа» государства; 9) применение «нетрадиционного» методологического инструментария для рефлексии по поводу бытия государства с использованием соответствующего этим исследовательским техникам понятийного аппарата.

Базовой категорией информационно-квантовой концепции является паттерн. Эта категория подробно описана Эдвардом де Боно¹, который предложил новый подход к работе восприятия, основанный на модели самоорганизующейся информационной структуры. Понятие паттерна у Э. де Боно напрямую связано с тем, как устроена память. С его точки зрения, память индивида запечатлевает и накапливает следы воспринимаемой информации, позволяя им самоорганизовываться в виде особых форм – паттернов. При этом важным свойством (кодом) паттерна служит его способность активизироваться целиком при активизации любой из своих частей. Одним словом, любая часть паттерна – это код, немедленно запускающий весь паттерн. Существуют и другие уровни внутренней конституции *homo juridicus*, а именно правовые «я»-протопаттерн и «Я»-квазипаттерн (общество). Последний выступает и суперпозицией квантовых состояний систем правовых «я»-протопаттернов индивидуумов, аккумулятивно выражающей этнос, и суперпозицией юридических «я»-паттернов субъектов, суммарно отражающей народ.

Другим важным компонентом информационно-квантового дискурса можно назвать рассмотрение этноса, народа и нации в качестве квантовых систем, являющих-

¹ Bono E. de. The Mechanism of Mind. N. Y., 1969.

ся следствием разрушения суперпозиции состояний квазисистемы «общество» («социум»). Кроме того, преобразование системы «этнос» в систему «народ» и системы «народ» в систему «нация» сопровождается изменением состояний правосознания индивидуумов, входящих в соответствующие сообщества. При этом локализация очередной квантовой системы предполагает, по нашему мнению, заключение нового общественного договора, «сторонами» которого являются квазисистема «общество» («Я») и проявленные в результате декогеренции высшего «Я» самоорганизующиеся информационные образования – правовой паттерн (протопаттерн). В связи с тем что системы «этнос», «народ», «нация» состоят из коммуницирующих компонентов – людей, важно исследовать фундамент, на котором строится государство, – человека – с позиций постнеклассической парадигмы.

Несмотря на то что философы неодинаково оценивали роль тех или иных элементов в создании системы «государство», основополагающим компонентом всегда был человек, точнее, квантовые состояния его правосознания (правовое «я»). С точки зрения мыслителей различных исторических эпох, рождение государства представляет собой постоянно возобновляющийся процесс перехода *homo sapiens* из естественного состояния в политико-правовое – *homo juridicus*. Однако важно, что данный переход осуществляют не все люди (социум) одновременно, а каждый индивид путем заключения общественного договора¹. Между тем понять суть такого перехода можно, во-первых, с помощью «нетрадиционного» методологического инструментария, позволяющего сделать исследовательский срез «тонкой» правовой материи, в качестве которой выступает «я» субъекта; во-вторых, посредством познания свойств информационных структур внутренней конституции человека, представляющих собой правовые «Я»-квазипаттерн, «я»-протопаттерн и юридический «я»-паттерн. Используя именно эти опорные единицы, мы сможем изучить в рамках информационно-квантового подхода эволюционную цепочку «человек – этнос – народ – нация» как основу генезиса государства. Другими словами, государство выступает определенным состоянием правосознания *homo juridicus*, фиксируемым посредством общественного договора. Однако процесс возникновения государства отражает только такое состояние правосознания субъектов социума, при котором почти полностью утрачивается духовная связь индивидуумов социума с высшими планами тонкоматериального мира – квазипаттерном «Я» и протопаттерном «я» (коллективный разум, коллективная память) как высшими формами жизни людей. Именно состояние правосознания народа (нации), базирующегося на юридическом «я»-паттерне, а также конституирование правового эгрегора являются фундаментом образования государства.

Концепцией, которая в наибольшей степени отражала бы свойства постнеклассического видения государства, признается договорная теория, получившая широкое распространение в XVII–XVIII вв. В европейской философии идея договорного установления государства была высказана еще древнегреческими софистами (Гиппий, Антифонт и др.), позже она встречалась у Эпикура и Лукреция. Из средневековых христианских философов идею общественного договора развивал Ф. Аквинский, применяя ее к светскому государству и подчеркивая тем самым временную и условную природу этого института в противоположность вечному граду Божию – церкви. Однако наиболее полно концепцию общественного договора разработали мыслители конца Средних веков и Нового времени: Г. Гроций и Б. Спиноза в Голландии, Дж. Локк и Т. Гоббс в Англии, Ж.-Ж. Руссо во Франции, С. фон Пуфендорф в Герма-

¹ Локк Дж. Соч.: в 3 т. / ред. и сост. А. Л. Субботин. М., 1988. Т. 3. С. 66–91.

нии и А. Н. Радищев в России. Создателями современных концепций общественного договора выступают известные американские философы-контракционисты Дж. Ролз и Р. Дворкин, а также Дж. Бьюкенен¹. Несмотря на то что в трудах каждого мыслителя раскрываются разнообразные основания заключения договора, только в трактатах Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и Дж. Локка договорные теории изложены детально.

Договорную теорию, как и теорию естественного права, следует рассматривать не как нечто органически целое и неделимое, а как совокупность в основе сходных, но вместе с тем отличающихся концепций². При этом с точки зрения информационно-квантового подхода договорные теории закрепляют определенное состояние развития правосознания общества. На наш взгляд, за время существования человечества были заключены договоры четырех видов, ставшие локализацией четырех квантовых состояний – качеств правосознания, которые отражены в трактатах мыслителей.

Таким образом, философские воззрения представителей разных эпох – от античности до Нового времени – мы рассмотрим под углом информационно-квантовой (теории старших софистов Гиппия, Антифонта, Г. Гроция, Эпикура, Б. Спинозы, А. Н. Радищева) и материалистической (теории Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо) интерпретации онтологической природы концепта общественного договора.

Суть договорной теории в рамках материалистической традиции состоит в том, что государство есть результат общественного договора о правилах совместного проживания. Этим объясняется происхождение не только государства, но и гражданского общества, права как результата соглашения между людьми. Иными словами, общественный договор означает соглашение на основе набора правил, в соответствии с которыми частные лица добровольно отказались от некоторых своих естественных прав (личного суверенитета) в пользу государственной власти (правительства). Заключение общественного договора в рассматриваемой теории представляет собой не эволюционный и не зависящий от воли отдельного человека процесс, а некий разовый субъективный акт, в результате которого появляется государство.

С точки зрения информационно-квантовой теории государство как союз людей еще задолго до своего появления существовало в потенциальном состоянии высшего «Я». Иными словами, квантовые состояния правосознаний *homo sapiens* этноса, народа и нации изначально пребывали в нелокальной и непроявленной суперпозиции квазисистемы «общество». В результате декогеренции разрушается суперпозиция квантовых состояний и проявляется одно из потенциальных состояний квазисистемы высшего «Я» – либо этноса, либо народа или нации (социоисторические организмы). Между тем социоисторические организмы являются основными объектами исторического анализа. Несмотря на различные точки зрения ученых на время происхождения и развития общностей людей, исследование проблем этногенеза и этнической истории подтверждает определенную последовательность их возникновения: этнос – народ – нация³. Каждая локализация квантовых состояний квазисистемы «обще-

¹ Дж. Ролз, Р. Дворкин и Дж. Бьюкенен трактовали общественный договор как явление принципиально неисторическое и обладающее исключительно абстрактной реальностью, предлагали деонтологическую интерпретацию целей общественного договора в свете методологического индивидуализма, отождествляли процесс заключения общественного договора с реализацией социальной справедливости и в связи с этим определяли общественный договор как абсолютное единогласие, без разделения на победившее большинство и проигравшее меньшинство (Пискунов В. В. Концепт общественного договора: классические и современные формы: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2005).

² Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М., 2015.

³ См., например: Семенов Ю. И. Философия истории (общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 61–75; Ганиева М. Х. Этносоциология: учеб. пособие. Ташкент,

ство», на наш взгляд, предполагает своего рода процесс заключения общественного договора, представляющий собой фиксацию определенного уровня правосознаний индивидуумов социоисторического организма. Однако необходимыми условиями заключения такого договора выступают, во-первых, конституирование правового «я»-протопаттерна в результате инволюции квазипаттерна «Я»; во-вторых, конструирование юридического «я»-паттерна; в-третьих, формирование правового эгрегора; в-четвертых, высокая степень взаимосвязи между указанными саморазвивающимися информационными образованиями¹.

Первыми мыслителями, которые еще в V–IV вв. до н. э. пытались отыскать правовое «Я»-бытие в природе человека и общества, были софисты Протагор, Горгий, Гиппий, Антифонт и др. Вместе с тем основы договорных теорий возникновения государства заложили старшие софисты (Гиппий, Антифонт и др.). Именно ими были разработаны многие положения, считавшиеся достоянием гораздо более позднего времени².

По мнению Гиппия, существуют писанные и неписанные законы. Как раз писанные законы были созданы в форме общественного договора, полезность которого заключалась лишь в гарантии защиты естественных прав человека. Более того, Гиппий сформулировал содержание естественных прав, называя людей «родственниками, свойственниками и согражданами по природе»³. Если рассматривать его умозаключения с позиции информационно-квантовой теории права, можно заключить, что Гиппием были отражены три естественных плана человека: квазипаттерн «Я», протопаттерн «я» и паттерн «я». Если на уровне чистого «Я»-бытия природа человека едина (иначе говоря, мы все родственники), то на уровнях «я»-действительности (протопаттерна) и «я»-реальности (паттерна) люди соответственно являются свойственниками и согражданами. Другими словами, чистое «Я»-бытие представляет собой суперпозицию квантовых состояний правосознания индивидуумов общества, локализующихся в результате декогеренции высшего «Я» на уровне «я»-протопаттерна (свойственники) и «я»-паттерна (сограждане). Вступив в новое, более низкое по частоте вибраций квантовое состояние правосознания, *homo juridicus* был вынужден заключить общественный договор, чтобы искусственно восстановить естественное состояние. Фактически это была «плата» за предоставленную государством гарантию защиты от деструктивного состояния, вызванного страхом. Однако передавая свою жизненную энергию (естественные права) искусственному образованию – государству, индивидуумы общества постепенно закладывали фундамент для формирования правового эгрегора⁴.

2006; Крысько В. Г. Этническая психология: учеб. пособие. М., 2002; Кончалин Т. Л., Подопригора С. Я., Яременко С. Н. Социология. Ростов н/Д, 2001. С. 221–235.

¹ Иванский В. П. Информационно-квантовая концепция права: моногр.: в 3 кн. Кн. 1: Понятие когнитивно-квантовой модели правовой «я»-реальности в западной и восточной традициях права: от античности до Новейшего времени. М., 2015.

² Федотова О. А. Старшие софисты: от первых физиков к первым обществоведам // На пересечении наук. К истории междисциплинарных исследований в науке: межвуз. сб. науч. тр. СПб., 2005. С. 43.

³ Подробнее см.: Федотова О. А. Договорная теория возникновения государства и права (старшие софисты) // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. № 1. Т. 4. С. 210–216.

⁴ Под эгрегором понимается «ментальный конденсат», порождаемый мыслями и эмоциями людей и обретающий самостоятельное бытие. По причине того что для выработки единых норм поведения требуется не только правовое общение людей, но и их устремленность к реализации правил должного, эгрегор временно приобретает сконцентрированный волевой заряд и эквивалент сознательности. Он может войти в контакт с энергоинформационными образованиями тонких планов: «Я»-квазипаттерном, «я»-

Вопрос о личной безопасности людей в пределах одного из локализованных квантовых состояний высшего «Я»-этноса, народа (нации) затрагивал Антифонт. Он пришел к выводу о том, что в результате соглашения, выступающего отражением достижения людьми единых вибрационных частот правосознания, *homo sapiens* продолжают жить в страхе. Антифонт поднимал проблему духовного контакта индивидуумов социоисторического организма с высшими планами – «Я»-бытием и «я»-действительностью – для расширения границ их правосознания, что позволяло нейтрализовать страх и таким образом обеспечивать «защиту» *homo sapiens*. По мнению Антифонта, договорные отношения человека с обществом, основу которых составляет объективация фиксированного уровня правосознания индивидуумов социума, также включают в себя механизм регулирования циркуляции энергии на уровне юридического «я»-паттерна – закона. Между тем софист считал, что законы не только направляют в определенное русло эго-энергию *homo sapiens*, но и служат для связи с правовым «я»-протопаттерном. Выход из этой ситуации Антифонт видел в создании условий для единомыслия всех граждан полиса, что с точки зрения информационно-квантовой концепции права невозможно, так как конституирование юридического «я»-паттерна индивидуумов происходит не только сознательно, но и бессознательно.

Следовательно, в рассуждениях Антифонта обнаруживаем дуализм: с одной стороны, закон ограничивает свободу мысли, направляя ее в информационно-энергетическое русло, по которому циркулирует его правовая энергия, а с другой – нужен некий механизм, который позволил бы связать это русло «я»-паттерна с другим саморазвивающимся информационным образованием – «я»-протопаттерном.

Заслуживает внимания договорно-правовая концепция Эпикура. Согласно его воззрениям государство образуется на основе взаимодействия нелинейных саморазвивающихся систем «я» индивидуумов по поводу общей пользы и взаимной безопасности. Коммуникация систем «я» способствует закреплению в памяти индивидуумов опыта правовой жизни в форме юридических паттернов. Механизм конституирования юридических архетипов Эпикур называл договором (соглашением), под которым подразумевалось формирование общего правового образа «я» индивидуумов социума (коллективного «я») на основе «осознавания совпадения и согласования человеческих устремлений»¹. Собственно создание единых юридических установлений (архетипов) в обществе – коллективного «я» – происходит на базе достижения системами «я» индивидуумов резонанса. Резонанс представляет собой состояние, при котором частота колебаний коллективного «я» равняется частоте колебаний систем «я» индивидуумов. Таким образом, фундамент договора в учении Эпикура составляют человеческие архетипы, образованные только на основе самоопределения индивида – свободы воли.

Одним из разработчиков договорной теории возникновения государства в Новое время стал выдающийся голландский юрист, политический мыслитель, основатель рационалистической доктрины естественного права Гуго Гроций.

Согласно подходу Г. Гроция право должно также включать вечные и неизменные ипостаси независимо от изменчивой воли людей, которые в русле информационно-

---

протопаттерном и «я»-паттерном – и таким образом создать свое сильное пространство правопорядка – государство.

¹ Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. М., 1997. С. 422.

квантовой концепции объединяет в себе понятие «правовой „я“-протопаттерн». Другими словами, право, конституируемое на базе протопаттерна «я», всегда тождественно самому себе. Все то, что возникает из человеческого жизненного опыта – юридического «я»-паттерна – часто изменяется во времени и различно по территории¹. Вслед за Г. Гроцием укажем, что концепт, формируемый на базе протопаттерна, называется естественным правом, а концепт, создаваемый на основе паттерна посредством воли человека, – позитивным правом (волеустановленным). Между тем источником естественного права является разумная природа человека, порождаемая правовым «Я»-квазипаттерном («матерью» естественного права). Поэтому «право естественное есть предписание *здравого разума* (правового „я“-протопаттерна. Примеч. и курсив наш. – В. И.), коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым; а следовательно, такое действие или воспрещено, или же предписано *самим Богом, создателем природы* (правовым «Я»-квазипаттерном. Примеч. и курсив наш. – В. И.)»². Человек поступает в соответствии с естественным правом только в случае непрерывного взаимодействия его ипостасей: «Я»-квазипаттерна, «я»-протопаттерна и «я»-паттерна. Более того, нормы естественного права порождаются не обществом, а индивидуумами, стремящимися жить по праву, при котором правовой и нравственный образы жизни совпадают³.

Договорная теория происхождения государства Г. Гроция предполагает существование имманентной бесперебойной связи между «Я»-квазипаттерном и «я»-протопаттерном индивидуумов общества, которую ученый называл догосударственным естественным состоянием. Однако зарождение и развитие «я»-паттерна *homo sapiens*, его эго привели к появлению собственности, которая вызвала острую потребность в организующей и упорядочивающей силе – государстве, причем «люди объединялись в государство не по божественному велению, но добровольно, убедившись на опыте в бессилии отдельных рассеянных семейств против насилия, откуда ведет свое происхождение гражданская власть»⁴. Исходя из этого, Г. Гроций полагал, что государство есть «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы»⁵.

Вместе с тем государство независимо от конкретных исторических примеров выступает результатом декогеренции квантового состояния квазипаттерна «Я» – народа, основу которого составляет коллективный «я»-паттерн. Народ, по мнению Г. Гроция, представляет собой нечто целое, имеющее «единое бытие» или «единый дух»⁶. Несомненно, что существование народа и существование государства взаимосвязаны: народ, как и этнос, выступает одним из этапов политогенеза. Окончательное становление государства происходит в момент конституирования правового эгрегора (мифа и идеологии). Как раз коллективный «я»-паттерн и правовой эгрегор являются базисом для организации народа (нации) в качестве государства. Вследствие этого государство с позиции информационно-квантового подхода может быть представлено следующими элементами:

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1994. С. 52.

² Там же. С. 71.

³ Подробнее см.: Козлихин И. Ю. Гуго Гроций // Правоведение. 1999. № 4. С. 263–271.

⁴ Гроций Г. Указ. соч. С. 166.

⁵ Там же. С. 74.

⁶ Там же. С. 312.

народом как результатом декогеренции суперпозиции квантовых состояний квазисистемы «общество», фиксируемым общественным договором;

правовым эгрегором – устремленностью людей к реализации правил должного, тем самым создающих единый правопорядок;

территорией, на которую этот правопорядок распространяется;

коллективным «я», основу которого составляет юридический паттерн «я» индивидуумов, аккумулирующий единую волю общества (верховную власть) и выражающий определенный уровень его правосознания;

правом, которое следует выводить из общей воли народа, определяемой взаимосвязью квазипаттерна, протопаттерна и паттерна. При этом нужно иметь в виду, что источником самого права является «Я»-квазипаттерн.

Кроме того, теория общественного договора предполагает исследование естественного состояния, т. е. условий существования человека, при которых его действия связаны только с его личной властью, ограниченной совестью. В соответствии с этой теорией мыслители, придерживающиеся материалистического подхода, неодинаково пытаются объяснить, почему *homo sapiens* добровольно отказался от свободы, которую он имел в естественном состоянии, чтобы получить преимущества политического порядка (политические права).

Английский философ Томас Гоббс считал, что изначальной сутью межлюдских отношений был эгоизм, заключающийся в стремлении к почестям и богатству. Чтобы избежать постоянной борьбы и угрозы для жизни, люди решили заключить общественный договор, в результате чего и появилось искусственное образование – гражданское общество, состоящее из народа и толпы. Т. Гоббс, различая понятия народа и толпы, отождествлял народ и государство: «Народ есть нечто единое, обладающее единой волей и способное на единое действие»¹. Более того, Т. Гоббс трактовал государство в качестве «смертного бога Левиафана»², тем самым выделяя два состояния общества: естественное (догосударственное) и гражданское (искусственное). Естественное состояние – это состояние абсолютной, ничем не ограниченной свободы людей, равных в своих правах и способностях. Гражданское общество предполагает отказ человека от части своей свободы в пользу защищенности, которую обеспечивает государство при помощи таких учреждений, как суд, армия, полиция, правительство³. Следовательно, Т. Гоббс рассматривал общество в двух измерениях: как живой организм (догосударственное состояние людей) и как выступающую в качестве государства (народа) – «смертного бога Левиафана» – искусственную субстанцию.

Между тем, по мнению философа, люди равны и в желании господствовать, обладать одними и теми же правами. Поэтому естественное состояние, по Т. Гоббсу, есть в полном смысле «состояние войны всех против всех»⁴, право каждого делать все для самосохранения, вплоть до убийства другого человека. В этой ситуации, чтобы не уничтожить друг друга, люди вынуждены взаимно идти на ограничение своей свободы, т. е. своих естественных прав, таким образом заключая соглашение, гарантирующее им безопасность, мир и порядок. Это взаимное самоограничение естественных прав называется общественным договором. «Общественный договор, – писал

¹ Гоббс Т. Соч.: в 2 т. / сост. и ред. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. М., 1988. Т. 1. С. 395.

² Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. 1991. Т. 2.

³ Подробнее см.: Касьянов В. В. Социология. Ростов н/Д, 2001. С. 19.

⁴ Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 95.

Т. Гоббс, – больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал каждому другому человеку: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему право управлять собой при условии, что ты таким же образом передашь ему твое право и будешь санкционировать все его действия»¹. Результатом этого общественного договора является переход людей в искусственное состояние гражданства – народ (социум). Ограничивая свою естественную свободу, люди, вместе с тем, передают полномочия по поддержанию порядка и контролю за соблюдением договора единому лицу – отдельному человеку или собранию людей. В этом и состоит сущность государства. Из сказанного вытекает, что «государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»².

Следовательно, с точки зрения Т. Гоббса, люди объединяются, чтобы выйти из состояния «войны всех против всех», т. е. заключение общественного договора – вынужденная мера. «...Такого рода соглашение есть договор, при котором один получает благо жизни, другой должен получить взамен деньги или службу, и, следовательно, там, где нет другого закона (как это бывает в естественном состоянии), запрещающего выполнение подобного обязательства, такое соглашение имеет силу»³.

Идеи естественного права и общественного договора были подхвачены и развиты английским философом-просветителем Джоном Локком. Он выдвигал отличный от воззрений сторонников договорной теории взгляд на догосударственное (естественное) состояние человека⁴, который будет интерпретирован нами в рамках материалистической парадигмы. Если для Т. Гоббса естественное состояние – это мир фактически неограниченной личной свободы, переходящей в анархию, когда каждый «имеет право на все», а «человек человеку – волк», для Ж.-Ж. Руссо – всеобщее благоденствие или «золотой век», то для Дж. Локка основу естественного состояния составляет закон природы, обязательный для каждого индивида. Этим законом является разум; он учит всех людей, «которые пожелают с ним считаться, что ни один из них не должен наносить ущерб жизни, свободе или собственности другого»⁵. Для сохранения своих прав, полученных от Бога или Природы, люди вступают с сувереном в соглашение, в соответствии с которым в обмен на обещание править мудро передают ему часть своей естественной свободы (прав) и подчиняются ему. В результате такого общественного договора возникает государство, основные цели которого – соблюдение прав индивидов, охрана их собственности и жизни. При этом Дж. Локк развивал идею о том, что «объединение в единое политическое общество» может и должно происходить не иначе, как посредством «одного лишь согласия».

Стало быть, в догосударственном обществе «природная власть» не могла защитить человека и гарантировать его естественные права. Поэтому для создания в обществе нормальной жизни и обеспечения своих естественных прав люди заключили

¹ Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 127.

² Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001.

³ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. 1991. С. 98–109.

⁴ Локк Дж. Два трактата о государственном правлении // Локк Дж. Соч.: в 3 т. / ред. и сост., автор примеч. А. Л. Субботин. М., 1988. Т. 3. С. 135–406.

⁵ Там же. С. 264–265.

между собой своеобразное соглашение об учреждении государства (политического сообщества), передав ему как органу, представляющему их общие интересы, часть своих прав. Вместе с тем чтобы повысить вероятность того, что власть не будет ограничивать права граждан на жизнь, свободу и собственность, ее нужно разделить на законодательную, исполнительную и федеративную с целью предотвращения ее концентрации в одних руках и узурпации. Если государственная власть не выполняет своих обязанностей перед гражданами, она становится незаконной, что дает индивидуумам право на сопротивление в разумных пределах, ведущее не к устранению власти вообще, а к установлению прочного политического баланса и улучшению функционирования власти.

Более того, из всех форм коллективности лишь государство воплощает политическую власть, представляющую собой право во имя общественного блага принимать законы для поддержания безопасности жизни, охраны собственности и обеспечения естественных прав. В установленном людьми общем законе, признанном с их общего согласия мерой добра и зла для разрешения всех коллизий, Дж. Локк усматривал первый конституирующий государство признак. Закон в подлинном смысле – это предписание, исходящее от гражданского общества в целом или от установленного людьми законодательного органа, который определяет поведение человека, соответствующее его собственным интересам и служащее общему благу. Гражданский закон общеобязателен, если выражает волю общества, а сами законодатели при этом не нарушают законы природы.

Одним из главных представителей договорной теории происхождения государства в Новое время можно назвать голландского философа-рационалиста Бенедикта Спинозу. Основание заключения общественного договора он видел в противоречии между страстями и разумом людей. Если выразиться в терминах информационно-квантовой концепции, Б. Спиноза раскрывал деструктивное состояние отношений между саморазвивающимися информационными образованиями – «я»-протопаттерном и «я»-паттерном *homo juridicus*. «Если бы люди от природы так были созданы, что они ничего не желали бы, кроме того, на что им указывает истинный разум, – писал Б. Спиноза, – то общество, конечно, не нуждалось бы ни в каких законах»¹. Вместе с тем каждый человек стремится к своей пользе, выгоде, при этом «большинство руководствуется своим мнением, увлечением, а не разумом»². Именно поэтому, по мнению мыслителя, необходимы государство и законы.

Однако средством гармонизации двух «тонких» планов – «я»-реальности, формируемой юридическим паттерном, и «я»-действительности, конституируемой правовым протопаттерном, – Б. Спиноза называл закон, который, с его точки зрения, предназначен для того, чтобы обуздать аффекты и дурные страсти человека. Помимо этого в законе должен быть воплощен истинный разум, всегда направленный на общее благо. Чтобы закон был разумен, его следует принять большим собранием людей, в котором взаимопогашаются противоречивые аффекты, страсти и интересы. В результате общим остается только разумное начало. Следовательно, Б. Спиноза, изучая свойства человеческой природы, задался целью организовать государство таким образом, чтобы оно действовало в соответствии с предписаниями здравого разума и общим благом.

¹ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Харьков, 2000.

² Подробнее см.: Лейст О. Э. История политических и правовых учений. М., 2000. С. 253–263.

По мнению Б. Спинозы, специфика идеи общественного договора состоит в том, что он рассматривается как постоянно существующее отношение правового «я»-протопаттерна и юридического «я»-паттерна субъектов социума, представляющее собой своего рода равновесие сил, нарушение которого приводит к утрате между ними духовной связи, а значит, и к разложению нравственных основ общества. При этом важным аспектом заключения общественного договора является то, что каждый его участник переносит свое естественное право («мощь» права) не на другого, а на большую часть общества (государство), единицу которого он составляет. Иначе говоря, заключение людьми общественного договора означает достижение ими определенного квантового состояния правосознания, выступающего фундаментом образования государства. В связи с этим можно утверждать, что государство представляет собой эмерджентную систему, созданную посредством взаимодействия ее подсистем «я»-индивидуумов, целью которого служит поддержание правового гомеостаза, выражающегося в общении людей ради общего блага жизни.

Обратимся также к идеям французского мыслителя, философа и писателя, создателя теории «естественного человека» Жан-Жака Руссо. Основные положения его теории отражены в ст. 1, 2 и 6 Декларации прав человека 1789 г. Например, ст. 1 гласит: «Люди рождаются свободными. Они остаются свободными и равными в своих правах»¹. В ст. 2 Декларации раскрывается понятие естественного права: «Целью всякого политического объединения является сохранение естественных и неизменных прав человека. Эти права суть право на свободу, собственность, безопасность и сопротивление подавлению»². Более того, он предложил версию общественного договора, основанного на народном суверенитете. По мнению Ж.-Ж. Руссо, в связи с тем что государство возникает в результате общественного договора, верховная власть в нем должна принадлежать всему народу.

В отличие от Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо не считал, что люди враждебны друг другу. Человек в его понимании, изначально по своей природе добр, свободен и самостоятелен, но затем под воздействием общества «портится», становится злым. Следовательно, необходим «общественный договор», сущность которого заключается в том, чтобы оградить «естественного человека» от дурного влияния общества путем передачи власти государству. При этом может передаваться исключительно власть, но не общая воля народа (народный суверенитет). Более того, законная власть возникает в результате добровольного соглашения свободных людей. На основе общественного договора образуется ассоциация равных и свободных людей, в которой «естественные» индивиды становятся «моральными», взяв на себя обязанность соблюдать законы, и каждый, передавая в общее достояние свою личность, «превращается в нераздельную часть целого»³. Однако в общественном состоянии суверенной свободой обладает не человек, а государство, возникшее на основе добровольного соглашения. Люди пользуются свободой лишь как полноправные члены государства. Вместе с тем Ж.-Ж. Руссо понимал, что вернуться к утраченному раю «естественного состояния» невозможно и человек обречен жить в обществе, однако допускал, что народ имеет право не только изменить форму правления, но и вообще расторгнуть общественное соглашение и вернуть себе естественную свободу.

¹ Хьюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001. С. 106.

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 107.

³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты / пер. с фр. М., 1998. С. 151–256.

Коллективное целое (общее «Я»), «нераздельной частью» которого становится человек, по мнению Ж.-Ж. Руссо, есть не что иное, как юридическое лицо. Раньше оно именовалось «гражданской общиной», позднее – «республикой, или политическим организмом». Члены этого политического организма называют его «Государством, когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державой при сопоставлении его с ему подобными»¹. Более того, государство трактовалось Ж.-Ж. Руссо как «условная личность», жизнь которой заключается в союзе ее членов. Главной заботой государства, наряду с самосохранением, должна быть забота о благе всего общества – народа. При этом огромную роль здесь играют законы, принимаемые или утверждаемые путем референдума самим народом и «рассматривающие» всех участников общественного договора как одно целое. Отсюда следует, что обладателем верховной власти, выразителем и носителем общей воли политического организма (государства) может выступать согласно общественному договору единая и целостная личность – народ (суверен). Только «общая воля может управлять силами государства», причем не произвольно, а «в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо»².

Русский философ Александр Николаевич Радищев, разрабатывая свою договорную теорию происхождения государства, исходил из положений теории естественных прав человека. Государство согласно договорной теории А. Н. Радищева, интерпретируемой нами с точки зрения информационно-квантовой концепции права, является не результатом декогеренции суперпозиции квантовых состояний квазисистемы «общество» – Божественного Провидения, а следствием формирования «я»-паттернов *homo juridicus* народа. А посему цель государства, с точки зрения ученого, есть блаженство граждан, которое мгновенно и преходяще: «Блаженство гражданское в различных видах представиться может. Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем не пустеют и во градах гордые воздымаются зданию. Блаженно, называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя не токмо силою своею, но и словом своим над мнениями других. Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными»³.

По мере конструирования юридических паттернов «я» субъектов («я»-реальности) утрачивается их энергичный контакт с «я»-протопаттерном («я»-действительностью), что приводит к появлению частной собственности, нарушающей равенство, которое имело место в естественном состоянии. А. Н. Радищев писал: «Как скоро сказал человек: сия пядь земли моя – он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком»⁴. Из сказанного вытекает, что причиной договорного учреждения государства с позиции материалистического подхода является образование частной собственности, а в рамках информационно-квантового – конституирование «я»-паттернов индивидуумов общества, основу которых составляет замкнутый характер циркуляции энергии.

Заклучив договор, субъект добровольно «поставил общую власть над частной и сделался гражданином», но при этом суверенитет остался за народом, который не

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты / пер. с фр. М., 1998. С. 162.

² Там же. С. 316.

³ Радищев А. Н. Соч. / вступ. статья, сост. и коммент. В. Западова. М., 1988. С. 115.

⁴ Там же. С. 460–461.

мог бы согласиться на рабство, так как это было бы противоестественно¹. Однако важно, что фиксация сконституированных на уровне юридических «я»-паттернов индивидуумов социума ментальных правил поведения, проводимая государством для формирования положительного законодательства, по мнению А. Н. Радищева, должна быть основана на естественном праве (иными словами, должна соответствовать другому плану правовой действительности общества – «я»-протопаттерну). Если закон не имеет основания в естественном праве, он не обладает юридической силой, так как основанием права является справедливость, а не сила.

Обобщая интерпретацию философских воззрений, касающихся договорной концепции, с позиции информационно-квантового подхода, можно заключить, что государство – это эмерджентная система, основанная на взаимодействии ее подсистем *homo juridicus* общества: «Я»-квазипаттерна, «я»-протопаттерна и «я»-паттерна. Целью данной системы выступает поддержание правового гомеостаза, выражающегося в формировании и защите правопорядка, который базируется на принципах справедливости, равенства и свободы. Более того, в процессе становления государства как союза людей квантовая квазисистема «общество» может пребывать одновременно в различных состояниях: этноса, народа и нации. Иными словами, квазисистема «общество» находится в суперпозиции трех различных состояний правосознания индивидуумов: правосознания этноса, народа и нации, которые на том или ином этапе развития социума локализируются из нелокальной суперпозиции в процессе декогеренции.

С нашей точки зрения, результат декогеренции суперпозиции квантовых состояний квазисистемы «общество» фиксируется общественным договором, который отражает определенное качество правосознания социоисторического организма – этноса, народа или нации. Полагаем, что процесс зарождения и становления общества в качестве государства охватывает четыре вида (формы) общественного договора.

Договор первого вида представляет собой чистое состояние правосознания людей, при наличии которого нелокальные корреляции между подсистемами индивидуумов обеспечивают их согласованное правовое поведение как единого целого. Этот договор нельзя назвать компенсирующим механизмом для *homo conscious* ввиду того, что «Я»-квазипаттерн является доминирующим аспектом бытия человека и отражает потенциальность всего того, что может быть. В индуизме данная ипостась бытия человека обозначается философским термином «сат» (санскр. सत्). Сат – это всепроникающее существование, которое бесформенно, безразмерно, вездесуще, не имеющий признаков и качеств аспект Вселенной. Иными словами, сат есть пока все непроявленное (высшее «Я»), а значит, непроявленный правовой аспект субъекта. Поэтому сат воспринимается как пустота Вселенной, выраженная единым бесформенным началом и обладающая свойством самопроявления. Правовой «Я»-квазипаттерн человека можно «почувствовать» только тогда, когда он принимает форму «я»-протопаттерна – правового эйдоса или юридического «я»-паттерна.

Правовой квазипаттерн «Я» человека представляет собой самоорганизующееся нелинейное бытие, которому не присущ когнитивный аспект правообразования. Правовой квазипаттерн «Я» – это целостность, которая является источником конституирования всех форм правового бытия, однако не выступает ни одной из обра-

¹ История политических и правовых учений: учеб. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 2003.

зованных ею форм. В связи с этим такую тонкоматериальную субстанцию называют чистым бытием «Я» (высшим «Я»); ее нельзя осмыслить, однако можно осознать посредством правового чувства. Правовым чувством именуется правовое бытие, самоконституированное на уровне квазипаттерна «Я». При этом квазипаттерн «Я» отражает целостную и единую голографическую реальность бессознательной области и не порождает когнитивных конструкций. Иными словами, уровень квазипаттерна «Я» представляет собой чистое квантоподобное состояние, в котором одновременно пребывает прошлый, настоящий и будущий опыт правовой жизни человека в качестве возможных проявлений в подсистемах «я» субъектов.

Итак, суперпозиционное состояние правового бытия высшего «Я» выражает более глубокий и всеобъемлющий уровень пассивно-активной реальности бессознательной области, которая может себя обнаруживать в активизированных подсистемах протопаттернов и паттернов системы «я» субъектов. Стороны рассматриваемого вида договора тождественны сами себе, другими словами, являются сами собой, что определяет целостность и единство внутреннего мира человека, т. е. его гармоничное состояние.

Общественный договор второго вида выступает средством, компенсирующим дисгармоничное состояние правосознания субъектов, и закрепляет процесс формирования этноса как отношений между абсолютным «Я» и его эманацией – образом «я» (эйдосом) индивидуумов. Эйдос «я» служит когнитивным аспектом *homo juridicus* и выражается в форме саморазвивающегося информационного образования – «я»-протопаттерна. Коммуницирующие представители *homo juridicus* в результате квантового резонанса создают эмерджентную систему «этнос» («я»-протопаттерн), имеющую, по сути, локализованную форму общественного договора, а значит, и определенный правопорядок. Именно Дж. Локк описал эту форму договора как состояние «полной свободы в отношении их (людей. – В. И.) действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью»¹. Это еще не состояние войны, а лишь ее возможность, предотвращение реализации которой также требует заключения общественного договора.

Аналогичная идея высказывалась французским антропологом Т. де Шарденом: «Разумеется, в глубинах нашего существа мы все чувствуем груз или запас смутных сил, добрых или злых, своего рода определенный и неизменный „квант“, полученный раз и навсегда от прошлого. Но с не меньшей ясностью мы видим, что от более или менее искусного употребления нами этой энергии зависит последующее поступательное движение жизненной волны. Как можно в этом усомниться, если непосредственно на наших глазах эти силы по всем каналам „традиции“ необратимо накапливаются в самой высшей из форм жизни, доступных нашему опыту, я хочу сказать, в коллективной памяти и коллективном разуме человеческого биота?»². Более того, ученый относил «я»-протопаттерн (коллективную память и коллективный разум) к высшей из доступных нашему опыту форм жизни.

Соглашение третьего вида закрепляет новое качество правосознания сообщества людей (индивидуумов) – народ. Неотъемлемыми свойствами этого квантового состояния правосознания являются, во-первых, юридический «я»-паттерн и, во-вторых, правовой эгрегор, выступающий дополнительным информационным каналом, опре-

¹ Локк Дж. Два трактата о государственном правлении. С. 263.

² Шарден Т. де. Феномен человека. М., 2002. С. 232.

деляющим миссию народа, его цель и задачи. Правовой эгрегор (мыслительная энергия, ментальные скопления) служит субординатным средством, компенсирующим постоянно увеличивающийся разрыв между высшим «Я» и народом. Ментальные накопления, генерируемые правосознанием поколений народа (этноса), объединяются в однородные энергоинформационные поля. Различные виды ментально-правовой энергии образуют и разные по своим качествам и эволюционному значению мысленные наслоения – деструктивные и позитивные правовые эгрегоры, которые запечатлеваются в различных планах бытия. Такое деструктивное естественное состояние правосознания общества описал Т. Гоббс¹. Следовательно, эмерджентная система «народ» выступает следствием взаимодействия юридических «я»-паттернов субъектов на основе заключенного между ними общественного договора. Более того, такой договор возможно заключить только при условии образованного этносом правового эгрегора, фундамент которого составляет вера в свою исключительную миссию (идеология).

Правовые конгломераты ментальной энергии, формировавшиеся в течение тысячелетий, притягивают аналогичные их свойствам мыслиеизлучения, исходящие от все новых поколений индивидов. На определенном этапе становления правосознания общества ментальные скопления, присутствующие в тонкоматериальном пространстве, настолько увеличивают свой энергопотенциал, что начинают оказывать соответствующее воздействие на ход историко-культурного развития. Такое квантовое состояние правосознания народа, когда правовой резервуар пространственных мыслей не только влияет на поведение индивидуумов социума, но и управляет ими, называют нацией и относят к договору четвертого вида. Вместе с тем фундаментом духовной жизни социума остается юридический «я»-паттерн.

Договор четвертого вида есть соглашение, где окончательно утрачиваются духовные контакты индивидуумов нации со своим высшим «Я». Нация живет как энергетически автономное от Космоса социальное образование, в котором люди имеют бессознательный (неосознанный) доступ к правовому эгрегору на основе созвучий их правосознания. Иными словами, устанавливается созвучие правосознания субъектов нации, настроенного в определенном ключе, с конкретными пластами правового резервуара, что приводит к образованию того или иного правопорядка. Общественный договор данного вида заключается на уровне нации. Его особенность состоит в том, что ключевым элементом правопорядка выступает не сознание народа, а правовой эгрегор.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Фундамент информационно-квантового дискурса составляет внутренняя конституция человека – юридический «я»-паттерн, правовые «я»-протопаттерн и «Я»-квазипаттерн, которые выступают базовыми характеристиками состояния правосознания этноса, народа и нации (социоисторических организмов).

2. Понятия «этнос», «народ» и «нация» – это квантовые системы, выступающие следствием разрушения суперпозиции состояний квазисистемы «общество» (высшего «Я»).

3. Преобразование системы «этнос» в систему «народ» и системы «народ» в систему «нация» сопровождается изменениями состояний правосознания индивидуумов, составляющих соответствующие социоисторические организмы. При этом

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. С. 123.

локализация очередной квантовой системы предполагает заключение нового общественного договора, «сторонами» которого являются высшее «Я» и самоорганизующиеся информационные образования: юридический «я»-паттерн и правовой «я»-протопаттерн, проявленные в результате декогеренции квазисистемы «общество».

4. Общественный договор как информационно-квантовый процесс возникновения государства предстает в качестве вневременной категории социально-философского мышления, изначально имеющей трансцендентную природу. Вместе с тем понятие общественного договора исследуется не только как изолированная философская категория, но и как квантовые состояния правосознания социоисторического организма.

5. Общественный договор рассматривается как особого рода ментально-эмоциональный резонанс, имеющий место на уровне сознания индивидуумов социоисторического организма. В результате такого резонанса устанавливается относительно устойчивое квантовое состояние их правосознания, конституируемое на базе юридического паттерна (правового протопаттерна) и являющееся основой формирования правопорядка, выраженного посредством естественного права и (или) юридических норм государствообразующего народа (нации).

6. Становление концепта общественного договора сопровождается конституированием трех саморазвивающихся информационных образований: правовых «Я»-квазипаттернов, «я»-протопаттернов и юридических «я»-паттернов. При этом энергоинформационный план квазисистемы высшего «Я» предстает как потенциальное состояние непроявленных общественных договоров и отражает квазисистему «общество». Общественный договор есть квантовое состояние правосознания общества, при котором взаимоотношения людей приобретают определенное постоянное качество, обусловленное содержанием правового мышления. За время существования человечества было заключено четыре вида общественных договоров.

Библиография

Вопно Е. de. The Mechanism of Mind. N. Y., 1969.

Ганиева М. Х. Этносоциология: учеб. пособие. Ташкент, 2006.

Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. М., 1964. Т. 2.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т.* Соч.: в 2 т. / сост. и ред. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. М., 1991. Т. 2.

Гоббс Т. Соч.: в 2 т. / сост. и ред. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. М., 1988/1991. Т. 1–2.

Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1994.

Иванский В. П. Информационно-квантовая концепция права: моногр.: в 3 кн. Кн. 1: Понятие когнитивно-квантовой модели правовой «я»-реальности в западной и восточной традициях права: от античности до Новейшего времени. М., 2015.

История политических и правовых учений: учеб. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 2003.

Касьянов В. В. Социология. Ростов н/Д, 2001.

Козлихин И. Ю. Гуго Гроций // Правоведение. 1999. № 4.

Кончалин Т. Л., Подопригора С. Я., Яременко С. Н. Социология. Ростов н/Д, 2001.

Крысько В. Г. Этническая психология: учеб. пособие. М., 2002.

Лейст О. Э. История политических и правовых учений. М., 2000.

Локк Дж. Два трактата о государственном правлении // *Локк Дж.* Соч.: в 3 т. / ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М., 1988. Т. 3.

- Локк Дж. Соч.: в 3 т. / ред. и сост. А. Л. Субботин. М., 1988.
- Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М., 2015.
- Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. М., 1997.
- Пискунов В. В. Концепт общественного договора: классические и современные формы: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2005.
- Радищев А. Н. Соч. / вступ. статья, сост. и коммент. В. Западова. М., 1988.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты / пер. с фр. М., 1998.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.
- Семенов Ю. И. Философия истории (общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003.
- Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Харьков, 2000.
- Федотова О. А. Договорная теория возникновения государства и права (старшие софисты) // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. № 1. Т. 4.
- Федотова О. А. Старшие софисты: от первых физиков к первым обществоведам // На пересечении наук. К истории междисциплинарных исследований в науке: межвуз. сб. науч. тр. СПб., 2005.
- Хьюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001.
- Шарден Т. де. Феномен человека. М., 2002.

Bibliography

- Bono E. de. The Mechanism of Mind. N. Y., 1969.
- Fedotova O. A. Dogovornaya teoriya vzniknoveniya gosudarstva i prava (starshie sofisty) // Vestn. Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. 2010. № 1. Т. 4.
- Fedotova O. A. Starshie sofisty: ot pervyx fizikov k pervym obshhestvovedam // Na peresechenii nauk. K istorii mezhdisciplinarnyx issledovaniy v nauke: mezhvuz. sb. nauch. tr. SPb., 2005.
- Ganieva M. X. Ehtnosociologiya: ucheb. posobie. Tashkent, 2006.
- Gobbs T. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. М., 1964. Т. 2.
- Gobbs T. Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. М., 2001.
- Gobbs T. Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo // Gobbs T. Soch.: v 2 t. / sost. i red. V. V. Sokolov; per. s lat. i angl. М., 1991. Т. 2.
- Gobbs T. Soch.: v 2 t. / sost. i red. V. V. Sokolov; per. s lat. i angl. М., 1988/1991. Т. 1–2.
- Grocij G. O prave vojny i mira. Tri knigi, v kotorykh ob"yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava. М., 1994.
- Istoriya politicheskix i pravovykh uchenij: ucheb. dlya vuzov. 4-e izd., pererab. i dop. / pod obshh. red. V. S. Nersesyanc. М., 2003.
- Ivanskij V. P. Informacionno-kvantovaya koncepciya prava: monogr.: v 3 kn. Kn. 1: Ponyatie kognitivno-kvantovoj modeli pravovoj «ya»-real'nosti v zapadnoj i vostochnoj tradiciyax prava: ot antichnosti do Novejshego vremeni. М., 2015.
- Kas'yanov V. V. Sociologiya. Rostov n/D, 2001.
- Konchalina T. L., Podoprighora S. Ya., Yaremenko S. N. Sociologiya. Rostov n/D, 2001.
- Kozlixin I. Yu. Gugo Grocij // Pravovedenie. 1999. № 4.
- Krys'ko V. G. Ehtnicheskaya psixologiya: ucheb. posobie. М., 2002.
- Lejst O. Eh. Istoriya politicheskix i pravovykh uchenij. М., 2000.
- Lokk Dzh. Dva traktata o gosudarstvennom pravlenii // Lokk Dzh. Soch.: v 3 t. / red. i sost., avt. primech. A. L. Subbotin. М., 1988. Т. 3.
- Lokk Dzh. Soch.: v 3 t. / red. i sost. A. L. Subbotin. М., 1988.
- Marchenko M. N. Problemy teorii gosudarstva i prava: ucheb. М., 2015.
- Nersesyanc V. S. Filosofiya prava: ucheb. dlya vuzov. М., 1997.
- Piskunov V. V. Koncept obshhestvennogo dogovora: klassicheskie i sovremennye formy: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. М., 2005.
- Radishhev A. H. Soch. / vstup. stat'ya, sost. i komment. V. Zapadova. М., 1988.

Russo Zh.-Zh. Ob obshhestvennom dogovore, ili Principy politicheskogo prava // *Russo Zh.-Zh.* Traktaty / per. s fr. M., 1998.

Russo Zh.-Zh. Ob obshhestvennom dogovore, ili Principy politicheskogo prava // *Russo Zh.-Zh.* Traktaty. M., 1969.

Semenov Yu. I. Filosofiya istorii (obshhaya teoriya, osnovnye problemy, idei i koncepcii ot drevnosti do nashix dnei). M., 2003.

Sharden T. de. Fenomen cheloveka. M., 2002.

Spinoza B. Bogoslovsko-politicheskij traktat. Xar'kov, 2000.

Xyubner K. Naciya: ot zabveniya k vozrozhdeniyu. M., 2001.

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Ергашев Евгений Рашидович

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: ergashever@mail.ru

Рассматриваются современные проблемы, снижающие эффективность прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие. Обозначенные проблемы, в частности, связаны с полномочиями прокурора, средствами выявления нарушения закона и средствами прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона.

Ключевые слова: предмет надзора, направления надзора, эффективность надзора, полномочия прокурора, проверочные действия прокурора, требование прокурора, средства выявления нарушений закона, средства прокурорского реагирования, требование прокурора, представление прокурора

ON THE CURRENT PROBLEMS OF THE PROCURACY SUPERVISION OVER THE LEGITIMACY OF ACTIONS TAKEN BY THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES

Ergashev Evgeniy

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: ergashever@mail.ru

The article deals with the current problems that impede the effective procuracy supervision over the legitimacy of actions taken by the preliminary investigation bodies. There are the problems related to the procurator's powers, the means of detecting violations of law, and the means of procuracy response to the violations of law.

Key words: subject of supervision, direction of supervision, effectiveness of procuracy supervision, inspection actions of the procurator, procurator's demand, means of detecting violations of law, means of procuracy response, procurator's application

Одним из прерогативных направлений современной прокурорской деятельности является надзор за исполнением закона органами, осуществляющими предварительное следствие. В соответствии со ст. 29 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) предметом надзора выступает соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Видимо, с учетом особенностей и значимости рассматриваемого направления прокурорского надзора законодатель счел необходимым изменить логику формирования специальных глав Закона о прокуратуре, посвященных конкретным надзорным направлениям и содержащих исчерпывающие перечни соответствующих полномочий и правовых средств прокурора, включив в ст. 30 главы 3 названного законодательного акта отсылку к уголовно-процессуальному законодательству. Тем самым все полномочия и правовые средства, применяемые прокурором, надзирающим за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие, должны быть закреплены в уголовно-процессуальном законе – УПК РФ.

В теории прокурорского надзора сложилось мнение о том, что надзорные полномочия прокурора, независимо от отрасли, в рамках которой они реализуются, обуславливают выбор правовых средств как выявления нарушений законов, так и реагирования на эти нарушения. Результативность использования прокурором своих полномочий и правовых средств всецело зависит от их регламентации законодательством. Анализ Закона о прокуратуре РФ и УПК РФ, а также прокурорско-надзорной практики свидетельствует о наличии значительного числа проблем, снижающих эффективность прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие.

Одна из таких проблем связана с определением законом полномочий прокурора при осуществлении данного направления прокурорского надзора.

Из содержания пп. 9 и 56 ст. 5, ч. 1 ст. 37 УПК РФ следует, что прокурор обязан осуществлять надзор за законностью процессуальной деятельности органов предварительного следствия в ходе досудебного производства. Следовательно, органы прокуратуры РФ реализуют определенные полномочия, связанные с осуществлением надзора за законностью процессуальных действий данных поднадзорных субъектов, начиная с получения сообщения о преступлении до утверждения прокурором обвинительного заключения и направления дела в суд для его рассмотрения по существу. Кроме того, в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ на органы прокуратуры также возлагается обязанность по осуществлению надзора за соблюдением закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, следовательно, данные органы и здесь наделяются конкретными полномочиями.

Однако, как справедливо отмечает Н. В. Буланова, УПК РФ не содержит перечня проверочных действий, которые при этом уполномочен совершать прокурор. В ч. 2¹ ст. 37 УПК РФ установлено право прокурора знакомиться лишь с материалами находящегося в производстве уголовного дела, но нет упоминания о материалах проверки сообщения о преступлении¹. Более того, исходя из содержания пп. 1, 5¹ ч. 2 ст. 37 и ч. 6 ст. 148 УПК РФ можно сделать вывод о том, что прокурор вправе истребовать материалы проверки сообщений о преступлениях, в том числе находящиеся в производстве. Но если этот вывод очевиден для прокурора, он не всегда является таковым для следователя и руководителя следственного органа. Это приводит к несвоевременному истребованию и проверке указанных материалов и препятствует устранению выявленных прокурором нарушений закона.

Для разрешения подобной ситуации необходимо прямое закрепление в законе права прокурора как истребовать, так и проверять любые материалы проверки сообщения о преступлении, в том числе те, по которым проверка органами следствия

¹ Буланова Н. В. Обеспечение прав человека в уголовном судопроизводстве средствами прокурорского надзора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 35.

еще не завершена. При этом надлежит также предусмотреть в законе обязанность органов предварительного следствия исполнять указанное требование прокурора в установленный им срок.

Еще одним предметом постоянной дискуссии в современной научно-правовой литературе является полномочие прокурора на возбуждение уголовного дела.

В соответствии с УПК РФ полномочием на возбуждение уголовного дела наделены орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь (ст. 146 и др.). Прокурор из числа таких субъектов исключен. В силу п. 2 ч. 2 ст. 37 и п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ прокурор может вынести лишь постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, что является поводом для возбуждения уголовного дела.

Подавляющее большинство современных авторов не одобряют лишение прокурора полномочий возбуждать уголовные дела¹. Ученые и практики все чаще задаются вопросом о том, есть ли у прокурора возможность осуществлять уголовное преследование при отсутствии у него таких полномочий. При этом непонятна позиция законодателя по данному вопросу. Лишение прокурора полномочий на возбуждение уголовного дела не согласуется, во-первых, с закрепленной в ч. 2 Закона о прокуратуре функцией органов прокуратуры Российской Федерации по осуществлению уголовного преследования; во-вторых, с международными стандартами деятельности прокуратур; в-третьих, с целями и задачами данных органов в уголовном судопроизводстве.

Анализируя сложившуюся ситуацию, В. А. Лазарева верно полагает, что такое массовое явление, как «необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, требует более эффективного средства прокурорского реагирования, чем бесконечная переписка прокурора с руководителем следственного органа. Поэтому включение постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании в число поводов к возбуждению уголовного дела проблемы никак не решает»².

Вместе с тем в настоящее время по-прежнему не исключена вероятность принятия органами следствия незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, что приводит к сокрытию совершенных преступлений от регистрации и учета. Предоставление прокурору полномочий возбуждать уголовные дела положительно отразится на состоянии законности, в том числе на уровне защиты прав личности. Я. П. Ряполова также отмечает, что данное полномочие «могло бы стать наиболее эффективным процессуальным действием». «Прокурор должен быть наделен таким правом исключительно в отношении поступивших в порядке ст. 148 УПК РФ материалов проверки сообщения о преступлении, по которым в возбуждении уголовного дела было отказано. С одной стороны, это создаст надлежащие правовые условия для незамедлительного принятия мер по устранению выявленных нарушений законодательства, если при проверке законности и обоснованности принятого решения об отказе в возбуждении уголовного дела, ознакомлении с отказными материалами доследственной проверки прокурор придет к выводу о недостаточности в них данных, указывающих на признаки преступления, а с другой – не будет допущено смешения

¹ Ряполова Я. П. Процессуальные действия прокурора по надзору за законностью и обоснованностью действий и решений на стадии возбуждения уголовного дела // Рос. следователь. 2012. № 14. С. 11.

² Лазарева В. А. Долгожданное изменение в статусе прокурора (Закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ) // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 3.

с функциями органов предварительного расследования»¹. Данной точки зрения придерживаются ряд других современных ученых и практиков².

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время прокурор необоснованно лишен законодателем полномочия возбуждать уголовные дела. Это негативно влияет на состояние законности и предопределяет необходимость скорейшего внесения соответствующих изменений в УПК РФ.

Однако следует отметить, что вместо императивного полномочия прокурора на возбуждение уголовного дела законодатель наделил его новыми, ограниченно властными полномочиями. В соответствии с УПК РФ надзирающий прокурор вправе внести мотивированное постановление о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства, требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия, а также рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение.

Мы разделяем точку зрения А. Б. Соловьева, полагающего, что отдельные полномочия прокурора сформулированы недостаточно четко и это затрудняет их единообразное понимание и обуславливает некорректное применение определенных средств прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона. Например, неясно, что имеет в виду законодатель под мотивированным постановлением о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании. Согласно п. 25 ст. 5 УПК РФ постановление – это решение прокурора, следователя, дознавателя, вынесенное при производстве предварительного расследования. Сегодня если прокурор выявляет нарушение закона, он из-за изменений, внесенных в УПК РФ, уже не вправе лично его устранить, решить вопрос по существу, а должен направить материал для этого дознавателю, следователю, которые будут принимать соответствующее решение. Поэтому составляемый прокурором документ уже нельзя называть постановлением. Это сопроводительное письмо либо еще что-то, но не постановление³. Отсюда вывод: необходимо вносить поправки в закон.

Следующая проблема, препятствующая эффективному прокурорскому надзору за исполнением закона органами, осуществляющими предварительное следствие, связана со средствами выявления нарушений закона.

Прокурор обладает полномочием проводить систематические проверки и выявлять нарушения закона в процессуальной деятельности органов предварительного расследования, т. е. в любое время по своему усмотрению, в случае регламентирован-

¹ Ряполова Я. П. Указ. соч. С. 11.

² Петров А. В. Обеспечение прокурором законности в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2011. № 11. С. 33; Соловьев А., Токарева М. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 4. С. 102; Быков В. М. Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. № 4. С. 50; Ережипалиев Д. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2011. № 4. С. 83–87; Ястребов В. Б. Процессуальный статус прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (нормативное правовое регулирование и перспективы развития) // Рос. следователь. 2012. № 6. С. 11–13 и др.

³ Соловьев А. Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 12.

ной законом необходимости проводить проверки материалов о преступлениях, а также уголовных дел. В законодательстве не закреплены процессуальная форма реализации этого полномочия прокурора, а также обязанность органов, осуществляющих предварительное следствие, незамедлительно направлять надзирающему прокурору как материалы проверки, так и уголовные дела. При этом несмотря на указанную неопределенность в УПК РФ, Генеральный прокурор в ведомственных актах требует от подчиненных прокуроров осуществления постоянного и действенного надзора в данном направлении прокурорской деятельности¹. Отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве норм, закрепляющих полномочие прокурора постоянно проводить проверки и выявлять нарушения закона в процессуальной деятельности органов предварительного следствия, не способствует надлежащему обеспечению законности, порождает недопонимание у практиков и приводит к осложнениям при осуществлении надзора.

Рассматривая проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие, необходимо уделить особое внимание средствам прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона.

С 2007 г. в прокурорской практике стало применяться относительно новое средство прокурорского реагирования – требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия. В Законе о прокуратуре не регламентированы понятие, структура, содержание данного требования. В п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ закреплено лишь полномочие прокурора требовать от органов дознания и следствия устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания и предварительного следствия. При этом законом до сих пор не урегулированы ни форма требования прокурора, ни процедура его исполнения.

Практика применения данного правового средства прокурорского реагирования выявила ряд дискуссионных вопросов². Так, неясно, что является предметом требования, в каких случаях к нему следует обращаться и чем оно отличается от представления прокурора, применяемого в порядке осуществления прокурорского надзора? По мнению отдельных ученых, требование относится к надзорным актам прокурорского реагирования³, однако в целях устранения сложившейся ситуации необходима четкая регламентация данного акта прокурорского реагирования как в Законе о прокуратуре, так и в УПК РФ. Следует согласиться с Н. В. Булановой, предлагающей дополнить соответствующую статью УПК РФ следующей формулировкой: «...требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства по уголовному делу». Такая формулировка закрепит право прокурора вносить требования об устра-

¹ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генеральной прокуратуры России от 2 июня 2011 г. № 162 // СПС «КонсультантПлюс».

² *Ергашев Е.* Требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания и предварительного следствия, как новый вид актов прокурорского реагирования // Уголовное право. 2007. № 6. С. 83.

³ *Винокуров А. Ю.* Требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия // Адвокат. 2008. № 4; *Пригорца П. А.* Требование прокурора как инструмент обеспечения исполнения закона: моногр. Екатеринбург, 2008; *Соколов А.* Проблемы и практика применения прокурором требования об устранении нарушений федерального законодательства в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. № 2.

нении нарушений закона в стадии возбуждения уголовного дела¹. Необходимо также добавить в УПК РФ статью, регламентирующую требование прокурора в качестве нового процессуального акта прокурорского реагирования и определяющую его понятие, порядок и сроки применения.

Обратим внимание также на такой акт прокурорского реагирования, как представление прокурора. На практике все чаще вызывает сомнение обоснованность применения данного акта прокурором, надзирающим за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие.

Приводятся следующие аргументы. Поскольку органы прокуратуры в силу ст. 30 Закона о прокуратуре и соответственно УПК РФ надзирают за исполнением процессуального законодательства, следовательно, они не вправе при осуществлении надзора выходить за рамки УПК РФ. Но Кодекс не содержит норм о возможности внесения прокурором представления в досудебной стадии уголовного процесса, значит, указанный акт прокурорского реагирования не может быть использован прокурором, надзирающим за исполнением органами дознания и предварительного следствия норм процессуального законодательства. «Анализ вносимых прокурором представлений, – справедливо отмечает А. Ю. Винокуров, – показал, что немалая их часть основывается на ст. 24 Закона о прокуратуре, регламентирующей порядок внесения представлений в рамках осуществления надзора за исполнением законов и законностью правовых актов (общего надзора). Другие прокуроры ссылаются на ст. 30 этого Закона, которая... отсылает к положениям уголовно-процессуального законодательства... нередко прокуроры ссылаются на ст. 37 УПК РФ»².

На наш взгляд, более состоятельна отсылка к нормам Закона о прокуратуре, регламентирующим порядок внесения представления в рамках надзора за исполнением закона: во-первых, в соответствии с ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре органы, осуществляющие дознание и предварительное следствие, и их должностные лица являются поднадзорными субъектами прокуратуры; во-вторых, в соответствии с ст. 21 и 26 Закона о прокуратуре предметом прокурорского надзора выступают соблюдение Конституции РФ и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, а также соблюдение прав и свобод человека и гражданина названными органами и их должностными лицами; в-третьих, прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия – это часть прокурорского надзора за исполнением законов в широком понимании данного термина, поскольку надзор за исполнением уголовно-процессуального закона есть одна из составляющих надзорной функции прокуратуры (ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре).

Следовательно, прокуроры при осуществлении указанного направления прокурорского надзора вправе использовать правовые средства, предусмотренные как в УПК РФ, так и в Законе о прокуратуре, в том числе представление. Исключение составляют лишь те средства, на невозможность применения которых прямо указано в Законе или ведомственных актах Генерального прокурора РФ (например, предостережение о недопустимости нарушения закона). При этом в представлении могут быть отражены нарушения как процессуального закона, так и материального права – уголовного, гражданского, административного и т. д.

¹ Буланова Н. В. Обеспечение прав человека в уголовном судопроизводстве средствами прокурорского надзора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 39.

² Винокуров А. Ю. Указ. соч. С. 14.

Итак, применение представления в качестве акта прокурорского реагирования при осуществлении прокурором надзора за исполнением законов органами предварительного следствия вполне обоснованно. Однако приведенные выше аргументы свидетельствуют о необходимости внесения изменений в законодательство о прокуратуре и уголовно-процессуальное законодательство и четкой и однозначной регламентации в них данного акта прокурорского реагирования.

Библиография

Буланова Н. В. Обеспечение прав человека в уголовном судопроизводстве средствами прокурорского надзора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11.

Быков В. М. Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. № 4.

Винокуров А. Ю. Требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия // Адвокат. 2008. № 4.

Ергашев Е. Требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания и предварительного следствия, как новый вид актов прокурорского реагирования // Уголовное право. 2007. № 6.

Ережипалиев Д. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2011. № 4.

Лазарева В. А. Долгожданное изменение в статусе прокурора (Закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ) // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3.

Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генеральной прокуратуры России от 2 июня 2011 г. № 162 // СПС «КонсультантПлюс».

Петров А. В. Обеспечение прокурором законности в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2011. № 11.

Пригорца П. А. Требование прокурора как инструмент обеспечения исполнения закона: моногр. Екатеринбург, 2008.

Ряполова Я. П. Процессуальные действия прокурора по надзору за законностью и обоснованностью действий и решений на стадии возбуждения уголовного дела // Рос. следователь. 2012. № 14.

Соколов А. Проблемы и практика применения прокурором требования об устранении нарушений федерального законодательства в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. № 2.

Соловьев А. Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3.

Соловьев А., Токарева М. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 4.

Ястребов В. Б. Процессуальный статус прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (нормативное правовое регулирование и перспективы развития) // Рос. следователь. 2012. № 6.

Bibliography

Bulanova N. V. Obespechenie prav cheloveka v ugovolnom sudoproizvodstve sredstvami prokurorskogo nadzora // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2011. № 11.

Bykov V. M. Prava prokurora na stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela // Zakonnost'. 2013. № 4.

Erezhipaliev D. Polnomochiya prokurora v stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela // Uголовное право. 2011. № 4.

Ergashev E. Trebovanie prokurora ob ustranении narushenij federal'nogo zakonodatel'stva, dopushhennykh v ходе doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya, kak novyj вид aktov prokurorskogo reagirovaniya // Uголовное право. 2007. № 6.

Lazareva V. A. Dolgozhdannye izmeneniya v statuse prokurora (Zakon ot 28 dekabrya 2010 g. № 404-FZ) // Uголовное sudoproizvodstvo. 2011. № 3.

Ob organizacii prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya: prikaz General'noj prokuratury Rossii ot 2 iyunya 2011 g. № 162 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Petrov A. V. Obespechenie prokurorom zakonnosti v stadii возбуждения уголовного дела // *Zakonnost'*. 2011. № 11.

Prigorshha P. A. Trebovanie prokurora kak instrument obespecheniya ispolneniya zakona: monogr. Ekaterinburg, 2008.

Ryapolova Ya. P. Processual'nye dejstviya prokurora po nadzoru za zakonnost'yu i obosnovannost'yu dejstvij i reshenij na stadii возбуждения уголовного дела // *Ros. sledovatel'*. 2012. № 14.

Sokolov A. Problemy i praktika primeneniya prokurorom trebovaniya ob ustraneni narushenij federal'nogo zakonodatel'stva v ugolovnom processe // *Ugolovnoe pravo*. 2009. № 2.

Solov'ev A. B. Problema obespecheniya zakonnosti pri proizvodstve predvaritel'nogo sledstviya v svyazi s izmeneniem processual'nogo statusa prokurora // *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. 2007. № 3.

Solov'ev A., Tokareva M. Neobходимо vosstanovit' vlastno-rasporyaditel'nye polnomochiya prokurora v dosudebnyx stadiyax rossijskogo ugolovnogogo sudoproizvodstva // *Ugolovnoe pravo*. 2011. № 4.

Vinokurov A. Yu. Trebovanie prokurora ob ustraneni narushenij federal'nogo zakonodatel'stva, dopushhennyx v xode doznaniya ili predvaritel'nogo sledstviya // *Advokat*. 2008. № 4.

Yastrebov V. B. Processual'nyj status prokurora v dosudebnyx stadiyax ugolovnogogo sudoproizvodstva (normativnoe pravovoe regulirovanie i perspektivy razvitiya) // *Ros. sledovatel'*. 2012. № 6.

СОСТОЯНИЕ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Огурцова Марина Леонидовна

Старший научный сотрудник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Москва),
e-mail: kharlamova88@mail.ru

Проанализировано состояние законности в сфере соблюдения жилищных прав детей-сирот. Отмечены недостаточность предпринимаемых государством мер по обеспечению жилищных прав детей-сирот, а также многочисленные нарушения состояния законности в данной сфере (например, незаконный отказ органами исполнительной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления в предоставлении жилых помещений указанной категории несовершеннолетних). Предложены меры по созданию действенного механизма защиты жилищных прав детей-сирот.

Ключевые слова: дети-сироты, прокурор, жилищные права, состояние законности, бездействие

THE CONDITION OF LAWFULNESS IN THE SPHERE OF ORPHANS' HOUSING RIGHTS

Ogurtsova Marina

Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Moscow),
e-mail: kharlamova88@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the condition of lawfulness in the sphere of orphans' housing rights. The measures taken by the state to ensure orphans' housing rights, as well as numerous violations of these rights are considered. An illegal refusal of the RF executive authorities and local authorities to provide this category of minors with housing accommodation is the most common violation. The measures to establish an effective mechanism of protection of orphans' housing rights are proposed.

Key words: orphans, procurator, housing rights, orphans, condition of lawfulness, inaction

Российская Федерация, следуя общепризнанным принципам и нормам международного права, гарантирует государственную поддержку семьи, материнства и детства, уделяет большое внимание защите конституционного права на жилище самой социально уязвимой категории несовершеннолетних – детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Меры, направленные на обеспечение жилищных прав детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа (далее – дети-сироты), отражены в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года¹, Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы², государственной программе Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»³.

¹ СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.

² Там же. 2012. № 23. Ст. 2994.

³ Там же. 2014. № 18 (Ч. 3). Ст. 2169.

Распоряжением Правительства РФ от 22 января 2015 г. № 72-р утвержден актуализированный комплекс мер по предоставлению жилья детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, и лицам из их числа на период 2015–2017 гг. Так, предусмотрены распространение опыта органов исполнительной власти субъектов Федерации по организации деятельности в сфере обеспечения детей-сирот жилыми помещениями; разработка методических пособий по проведению работы по предоставлению жилых помещений детям-сиротам с учетом правоприменительной практики; проведение мониторинга по исполнению судебных решений в части выделения жилых помещений детям-сиротам и осуществлению органами исполнительной власти субъектов Федерации контроля за использованием, распоряжением и сохранностью жилых помещений, находящихся в собственности или пользовании (по договору социального найма) детей-сирот.

Вместе с тем предпринимаемые сегодня государством меры (как на федеральном, так и на региональном уровне) по обеспечению жилищных прав детей-сирот недостаточны.

Состояние законности в сфере соблюдения жилищных прав детей-сирот вызывает обоснованное беспокойство. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2012 г. прокурорами выявлено 43 826 нарушений жилищных прав детей-сирот, в 2013 г. – 29 698, в 2014 г. – 36 510¹.

Количество лиц из числа детей, оставшихся без попечения родителей, состоящих на учете на получение жилого помещения, включая лиц в возрасте от 23 лет и старше, возрастает: в 2012 г. их было 96 614 человек, в 2013 г. – 104 094, а в 2014 г. – 115 949². По сведениям Министерства образования и науки Российской Федерации, только четверть указанных лиц ежегодно обеспечивается жильем³.

Согласно данным, представленным субъектами Российской Федерации, на 1 января 2015 г. в обеспечении жилыми помещениями нуждаются 123 100 детей-сирот (с учетом неисполненных судебных решений). Существенная задолженность (перед более 1 тыс. человек) образовалась в 41 регионе (это 82,3 % от общей задолженности субъектов Федерации)⁴. Наибольшая очередь на получение жилья детьми-сиротами – в Кемеровской, Иркутской областях, Краснодарском, Забайкальском краях⁵.

Значительно и количество детей-сирот, которые, имея решение суда, так и не могут добиться получения положенного по закону жилого помещения. По сравнению

¹ Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2014 год: информ.-аналит. зап. / под общ. ред. О. С. Капинус. М., 2015. С. 51.

² Данные показатели получены путем сложения сведений, содержащихся в строках 39 и 40 разд. 5 формы 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» за 2012 г., строках 48 и 49 разд. 5 формы 103-РИК за 2013 и 2014 гг. // URL: <http://минобрнауки.рф/министерство#deal>. В настоящее время форма 103-РИК утверждена приказом Росстата от 21 августа 2015 г. № 389 «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством образования и науки Российской Федерации федерального статистического наблюдения за выявлением и устройством детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (СПС «КонсультантПлюс»).

³ См.: строка 48 разд. 5 формы 103-РИК за 2012 г., строка 57 разд. 5 формы 103-РИК за 2013 и 2014 гг. // URL: <http://минобрнауки.рф/министерство#deal>.

⁴ Информация о ходе работы по выполнению поручения Президента Российской Федерации от 26 мая 2014 г. № Пр-1166 (п. 1) // URL: <http://government.ru/orders/17032>.

⁵ Стенограмма семинара-совещания на тему «О практике рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, после 1 января 2013 года» // URL: <http://legislation.council.gov.ru/media/files/41d533cf967737f8f38a.pdf>.

с данными на 1 января 2014 г. в январе 2015 г. их число увеличилось на 541 человека и составило 18 048¹.

Проведенная в 2014 г. по инициативе Генеральной прокуратуры Российской Федерации проверка соблюдения жилищных прав детей-сирот выявила многочисленные факты незаконного отказа органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в предоставлении несовершеннолетним указанной категории жилых помещений, а также иные нарушения их права на жилище. Всего в 2014 г. прокурорами выявлено 36 510 таких нарушений, что на 22,9 % больше, чем в 2013 г. Это Дальневосточный, Приволжский, Северо-Западный, Северо-Кавказский, Сибирский, Уральский, Центральный и Южный федеральные округа².

Мы согласны с мнением Н. В. Субановой о том, что существует непосредственная связь между упорядочением представлений о типичных нарушениях законов и совершенствованием прокурорского надзора за их исполнением³.

Наиболее распространенные нарушения жилищных прав детей-сирот, на наш взгляд, являются «индикатором» состояния законности в исследуемой сфере. Полагаем, что характер таких нарушений обуславливает выбор участков, требующих первоочередного внимания прокуроров. Так, прокурорам необходимо обращать внимание на то, что основные причины отказа – недостаточность выделяемых на данные цели денежных средств.

Проведенный Счетной палатой Российской Федерации анализ исполнения поручений Президента РФ и реализации законодательства Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной политики в сфере защиты детей-сирот показал, что из-за перечисления Министерством финансов РФ субсидий на жилье детям-сиротам преимущественно во втором полугодии 2013 и 2014 гг. регионы полностью не смогли использовать их. К тому же министерство не обеспечило должного контроля за соблюдением регионами условий их предоставления⁴. Например, несмотря на то что Астраханская область в 2013 г. снизила объем предусмотренных в бюджете региона собственных средств, Минфин России не приостановил ее финансирования.

В Забайкальском крае число лиц, включенных в список детей-сирот, подлежащих обеспечению жильем, составляет более 6 тыс., а количество лиц, у которых уже возникло такое право, достигло 4200. Для комплексного решения проблемы прокуратура Забайкальского края ежегодно на протяжении нескольких лет направляла губернатору края информацию и представления об устранении нарушений закона с требованием увеличить бюджетное финансирование расходных обязательств субъекта Федерации. В результате принятых мер прокурорского реагирования в бюджете Забайкальского края ежегодно (начиная с 2007 г.) предусматривалось дополнительное финансирование на обеспечение жильем детей-сирот. Тем не менее выделяе-

¹ К окончанию школы 122 тыс. сирот оказались не обеспечены жильем // URL: <http://www.rg.ru/2015/04/09/siroty-site.html>.

² Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2014 год. С. 53.

³ Субанова Н. В. Теоретические и прикладные основы прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 125.

⁴ В 2014 г. число детей-сирот сократилось на 9 тыс. // URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21268?sphrase_id=911821.

мых средств оказалось недостаточно, и в 2012 г. прокуратура Забайкальского края направила в суд исковое заявление о признании бездействия органов государственной власти края незаконным и о понуждении ее к обеспечению в срок до конца 2015 г. жильем всех нуждающихся лиц из числа детей-сирот. Благодаря принципиальной позиции органов прокуратуры совокупное финансирование расходов на эти цели в 2013 г. было увеличено до 579 млн руб., в 2014 г. – до 590 млн руб.¹

Прокуроры выявляют также факты освоения не в полном объеме средств, полученных в рамках субсидий из федерального бюджета. Так, в Приморском крае в 2013 г. остались неосвоенными и отозваны в федеральный бюджет 173,2 млн руб. Из них в 2014 г. из федерального бюджета в край возвращено только 70,9 млн руб. В целях недопущения повторения аналогичной ситуации прокуратура Приморского края внесла в адрес губернатора представление о дополнительном выделении 100 млн руб. из бюджета края для оплаты договоров купли-продажи 84 жилых помещений для детей-сирот².

В соответствии с п. 6 ст. 26³ Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»³ органы местного самоуправления ряда субъектов Федерации получили полномочия по предоставлению детям-сиротам жилых помещений. Согласно ч. 3 ст. 20 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴ органы местного самоуправления несут ответственность за осуществление отдельных государственных полномочий в пределах выделенных муниципальным образованиям на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств. Данные органы, являясь получателями бюджетных средств, обязаны эффективно использовать их в соответствии с целевым назначением.

Помимо перечисленного в большинстве муниципальных образований до сих пор не сформирован муниципальный специализированный жилищный фонд жилых помещений для детей-сирот. Аукционы на приобретение для них жилья зачастую признаются несостоявшимися из-за отсутствия заявок на участие в них. Не всегда органами местного самоуправления осуществляется и закупка жилых помещений для детей-сирот путем проведения запроса предложений в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁵. В результате бездействия органов местного самоуправления дети-сироты не могут реализовать предусмотренное Конституцией Российской Федерации право на жилище.

Поскольку суды придерживаются позиции, согласно которой осуществление полномочий по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот не может быть поставлено в зависимость от каких-либо условий, в том числе от недостаточности бюджетных средств, органы местного самоуправления вынуждены осуществлять переданные им отдельные государственные полномочия по предоставлению жилых

¹ В крае нуждаются в жилье более 6 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // URL: <http://www.prokuratura.chita.ru/news/?id=8376>.

² Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2014 год // URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d55031881905799c61.pdf>.

³ СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

⁴ Там же. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁵ Там же. 2013. № 14. Ст. 1652.

помещений за счет средств местного бюджета¹. С нашей точки зрения, для гарантирования наилучшей защиты жилищных прав детей-сирот полномочия по обеспечению их жилыми помещениями передавать органам местного самоуправления нецелесообразно.

Несвоевременное обеспечение жилыми помещениями в результате неправомерных действий или бездействия уполномоченных органов вызывает у детей ощущение неустроенности в жизни, увеличивает риск их асоциального поведения, нередко создает сложности при оказании им социальных услуг и иной социальной помощи.

Для изменения сложившейся ситуации в сфере соблюдения жилищных прав детей-сирот необходимы последовательные действия государства, направленные на формирование действенного механизма их защиты. К первоочередным мерам относятся реализация положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы; мониторинг федерального и регионального законодательства, регламентирующего жилищные права детей-сирот; организация эффективного государственного контроля за соблюдением жилищных прав детей-сирот; разработка и финансирование федеральных и региональных целевых программ, направленных на их осуществление.

Библиография

Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 23 апреля 2014 г. по делу № 33–5630/2014 // URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/6644107>.

Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 5 мая 2014 г. по делу № 33–4376/2014 // URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/6658604>.

В 2014 г. число детей-сирот сократилось на 9 тыс. // URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21268?sphrase_id=911821.

В крае нуждаются в жилье более 6 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // URL: <http://www.prokuratura.chita.ru/news/?id=8376>.

Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2014 год // URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d55031881905799c61.pdf>.

Информация о ходе работы по выполнению поручения Президента Российской Федерации от 26 мая 2014 г. № Пр-1166 // URL: <http://government.ru/orders/17032>.

К окончанию школы 122 тыс. сирот оказались не обеспечены жильем // URL: <http://www.rg.ru/2015/04/09/siroty-site.html>.

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 23 апреля 2014 г. по делу № 33–5630/2014 // URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/6644107>; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 5 мая 2014 г. по делу № 33–4376/2014 // URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/6658604>.

Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством образования и науки Российской Федерации федерального статистического наблюдения за выявлением и устройством детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: приказ Росстата от 21 августа 2015 г. № 389 // СПС «КонсультантПлюс».

Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации: государственная программа Российской Федерации // СЗ РФ. 2014. № 18 (Ч. 3). Ст. 5012.

Официальный сайт Министерства образования и науки РФ: URL: <http://минобрнауки.рф/министерство#deal>.

Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2014 год: информ.-аналит. зап. / под общ. ред. О. С. Капинус. М., 2015.

Стенограмма семинара-совещания на тему «О практике рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, после 1 января 2013 года» // URL: <http://legislation.council.gov.ru/media/files/41d533cf967737f8f38a.pdf>.

Субанова Н. В. Теоретические и прикладные основы прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

Bibliography

Apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Rostovskogo oblastnogo suda ot 23 aprelya 2014 g. po delu № 33–5630/2014 // URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/6644107>.

Apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Samarskogo oblastnogo suda ot 5 maya 2014 g. po delu № 33–4376/2014 // URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/6658604>.

Doklad General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii Yu. Ya. Chajki v Sovete Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii o sostoyanii zakonnosti i pravoporyadka v Rossijskoj Federacii i o prodelannoj rabote po ix ukrepleniyu za 2014 god // URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d55031881905799c61.pdf>.

Informaciya o xode raboty po vypolneniyu porucheniya Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 26 maya 2014 g. № Pr-1166 // URL: <http://government.ru/orders/17032>.

K okonchaniyu shkoly 122 tys. sirot okazalis' ne obespecheny zhil'em // URL: <http://www.rg.ru/2015/04/09/sirot-site.html>.

Koncepciya demograficheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda // SZ RF. 2007. № 42. Ст. 5009.

Nacional'naya strategiya dejstvij v interesax detej na 2012–2017 gody // SZ RF. 2012. № 23. Ст. 2994.

O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyx i municipal'nyx nuzhd: Federal'nyj zakon ot 5 aprelya 2013 g. № 44-FZ // SZ RF. 2013. № 14. Ст. 1652.

Ob obshhix principax organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ // SZ RF. 2003. № 40. Ст. 3822.

Ob obshhix principax organizacii zakonodatel'nyx (predstavitel'nyx) i ispolnitel'nyx organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 6 oktyabrya 1999 g. № 184-FZ // SZ RF. 1999. № 42. Ст. 5005.

Ob utverzhenii statisticheskogo instrumentariya dlya organizacii Ministerstvom obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya za vyyavleniem i ustrojstvom detej-sirot i detej, ostavshixsya bez popecheniya roditel'ej: prikaz Rosstata ot 21 avgusta 2015 g. № 389 // СПС «КонсультантПлюс».

Obespechenie dostupnym i komfortnym zhil'em i kommunal'nymi uslugami grazhdan Rossijskoj Federacii: gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii // SZ RF. 2014. № 18 (Ч. 3). Ст. 5012.

Oficial'nyj sajт Ministerstva obrazovaniya i nauki RF: URL: minobrnauki.rf/ministerstvo№deal.

Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossijskoj Federacii i rabota organov prokuratury. 2014 god: inform.-analit. zap. / pod obshh. red. O. S. Kapinus. M., 2015.

Stenogramma seminarov-soveshchaniya na temu «O praktike rassmotreniya sudami del, svyazannykh s obespecheniem zhilyimi pomeshheniyami detej-sirot i detej, ostavshixsya bez popecheniya roditelej, lic iz ix chisla, posle 1 yanvarya 2013 goda» // URL: <http://legislation.council.gov.ru/media/files/41d533cf967737f8f38a.pdf>.

Subanova N. V. Teoreticheskie i prikladnye osnovy prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o razreshitel'noj sisteme: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2014.

V 2014 g. chislo detej-sirot sokratilos' na 9 tys. // URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21268?sphrase_id=911821.

V krae nuzhdayutsya v zhil'e bolee 6 tys. detej-sirot i detej, ostavshixsya bez popecheniya roditelej // URL: <http://www.prokuratura.chita.ru/news/?id=8376>.

**70-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ООН
И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА*****70 YEARS OF THE UN
AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW**

15–16 октября 2015 г. на юридическом факультете Казанского федерального университета прошла международная научно-практическая конференция «70-летие ООН и проблемы развития международного права», организованная совместно Казанским (Приволжским) федеральным университетом, Министерством юстиции Республики Татарстан, Российской ассоциацией международного права, Университетом Западный Париж – Нантер-ля-Дефанс (Франция), Университетом Потсдама (Германия) и Центром превосходства ЕС «VOICES+» в КФУ.

Международная научно-практическая конференция была посвящена не только юбилею ООН, но также юбилеям выдающихся соратников профессора Д. И. Фельдмана, последователей Казанской школы международного права, докторов юридических наук, профессоров кафедры международного и европейского права КФУ Геннадия Иринарховича Курдюкова и Ленариса Харисовича Мингазова.

Конференцию отличала весьма насыщенная программа: после пленарного заседания были проведены круглый стол «Верховенство международного права в XXI веке», трехсторонний российско-франко-германский исследовательский семинар по актуальным проблемам суверенитета (на английском языке), а также международный студенческий круглый стол «Причины и следствия миграционного кризиса в Европе».

В конференции приняли участие представители ведущих вузов России: Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российского университета дружбы народов, Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, Всероссийской академии внешней торговли, Уральского государственного юридического университета, Тюменского государственного университета, Университета Западный Париж и Университета Потсдама; представители Государственной Думы ФС РФ, Верховного суда Республики Татарстан, Министерства юстиции Республики Татарстан, Аппарата Уполномоченного Республики Татарстан по правам человека, Адвокатской палаты Республики Татарстан.

Открытие конференции состоялось 15 октября в Музее истории КФУ, стены которого придали особую торжественность пленарному заседанию. Гостей и участников конференции приветствовали проректор КФУ по внешним связям *Линар Латыпов*, декан юридического факультета КФУ *Лилия Бакулина*, заместитель председателя Верховного суда Республики Татарстан *Марат Хайруллин*, член Совета Адвокатской палаты Республики Татарстан *Рамзия Мингалеева* и др.

* Обзор подготовлен Аделем Ильсияровичем Абдуллиным, доктором юридических наук, заведующим кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, e-mail: internationallaw@bk.ru), и Рустемом Шамилевичем Давлетгильдеевым, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры международного и европейского права, руководителем Центра превосходства ЕС «VOICES+» Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, e-mail: internationallaw@bk.ru).

С пленарным докладом «Верховенство международного права: риски и перспективы» выступил депутат Государственной Думы ФС РФ, известный политический деятель, выпускник юридического факультета КФУ *Василий Лихачев*. О современных вызовах международному праву рассказал директор Центра международного права Университета Западный Париж *Жан-Марк Тувенэн*. Юбилею ООН и тенденциям в международном праве был посвящен доклад профессора Центра прав человека Университета Потсдама *Нормана Вайса*.

Организаторами трехстороннего исследовательского семинара выступили КФУ, Университет Потсдама и Университет Западный Париж. Подобный семинар в КФУ проводился уже в третий раз. Его участники обсудили вопросы, связанные с переосмыслением суверенитета государств. Работа семинара проходила в рамках четырех тематических секций.

Докладчиками первой секции «Глобальное управление и суверенитет» стали ведущий преподаватель Университета Западный Париж *Набил Хаджами* («Новые подходы к суверенитету как вызов нормативной монополии государств»), докторант того же университета *Жан-Реми де Мэстр* («На пути к цифровому суверенитету?»), магистрант кафедры международного и европейского права КФУ *Гузель Шайхутдинова* («Суверенитет субъектов федерации: проблемы и перспективы»), а также доцент кафедры международного и европейского права КФУ *Наталья Тюрина* («Государственный суверенитет в глобальном сообществе»).

Во второй секции выступающие затронули проблему суверенитета и вмешательства. Прозвучали доклад докторанта Университета Потсдама *Каролин Шлоссер* на тему «Обязательства в области прав человека вооруженных негосударственных акторов – вызов Вестфальской системе?» и сообщение профессора кафедры международного и европейского права КФУ *Гульнары Шайхутдиновой* на тему «Суверенитет и ассоциированная государственность».

В третьей секции, посвященной региональной интеграции и суверенитету, с докладом «Евразийский экономический союз как организация международной региональной интеграции» выступил заведующий кафедрой международного и европейского права КФУ *Адель Абдуллин*. Аспирант той же кафедры *Искандер Асатуллин* представил сообщение «Достижение свободы передвижения товаров в рамках организаций региональной интеграции». Вопрос о наднациональности региональных судов экономической интеграции рассмотрела аспирант кафедры международного и европейского права КФУ *Асия Хузиханова*.

Четвертая секция «Международные суды и суверенитет» была открыта выступлением *Нормана Вайса*, который рассказал о вкладе международных судов в новую идею суверенитета. Затем доцент кафедры международного и европейского права КФУ, руководитель Центра превосходства ЕС в КФУ *Рустем Давлетгильдеев* познакомил слушателей с практикой Европейского Суда по правам человека по трудовым правам и показал ее взаимосвязь с государственным суверенитетом. Докторант Университета Потсдама *Филипп Шёбель* выступил с докладом на актуальную тему «Потенциал Международного уголовного суда и Европейского Суда по правам человека по управлению преднамеренными убийствами – взгляд на правовую защиту от беспилотных летательных аппаратов». Вопросам влияния государственного суверенитета на практику третейских судов было посвящено выступление докторанта Университета Западный Париж *Сильвии Дюмануар*. Аспирант кафедры международного и европейского права КФУ *Лилия Хасанова* сделала доклад на тему «ВТО: ограничение или защита государственного суверенитета».

В ходе круглого стола «Верховенство международного права в XXI веке» исследователи, представители органов государственной власти и управления попытались выработать общий подход к международному праву в условиях современной политической и правовой действительности.

Вводный доклад «Верховенство международного права в XXI веке на национальном и международном уровнях» представил профессор кафедры международного и европейского права КФУ *Геннадий Курдюков*. Профессор той же кафедры *Ленарис Мингазов* рассмотрел вопрос о правах человека в свете доктрины и практики верховенства международного права. К теоретическим и практическим аспектам суверенитета государств привлек внимание слушателей заведующий кафедрой международного и европейского права Уральского государственного юридического университета *Лев Лазутин*. Действие принципа верховенства права в Евразийском экономическом союзе проанализировали доценты кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли *Дарья Боклан* и *Илья Лившиц*. Доцент кафедры международного права МГУ им. М. В. Ломоносова *Светлана Глотова* представила сообщение «Международный правопорядок и глобальные вызовы: роль Совета безопасности и иных институций».

Ряд докладов были связаны с вопросами кодификации международного права. Так, профессор кафедры международного и европейского права КФУ *Револь Валеев* раскрыл тему кодификации преступлений против человечности; пределам и ограничениям в кодификации международной ответственности государств посвятила выступление доцент той же кафедры *Мария Кешнер*. Вопросы эффективности международного экологического права получили отражение в сообщении доцента кафедры международного права Российского университета дружбы народов *Александра Солнцева*.

Атташе по внешнеэкономическим вопросам Генерального консульства Венгрии в Казани *Шпидлер Жолт* сделал презентацию по юридическому процессу разрешения конфликтов.

В рамках круглого стола была организована трибуна молодого ученого, на которой выступили аспирант кафедры международного права Тюменского государственного университета *Елена Александрова* («Проблема соотношения международного и внутригосударственного права в части реализации права на сецессию: опыт и перспективы развития»), аспиранты кафедры международного и европейского права КФУ *Ленара Климовская* («Права пациентов на медицинскую помощь при нахождении за пределами собственного государства в соответствии с нормами международного права»), *Тамила Шушаева* («К вопросу о прогнозировании в международном правотворчестве») и *Эльза Валиева* («Место решений ЕСПЧ в правовой системе РФ»).

Международный круглый стол «Причины и следствия миграционного кризиса в Европе» был организован Центром превосходства ЕС и Евроклубом. Гостями и активными участниками круглого стола стали *Норман Вайс*, *Жан-Марк Тувенэн*, *Шпидлер Жолт*, *Адель Абдуллин*, *Рустем Давлетгильдеев*. В работе круглого стола приняли участие бакалавры, магистранты, аспиранты юридического факультета и Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ (в том числе члены Евроклуба, кружков европейского права и международного частного права), а также докторанты Университета Потсдама и Университета Западный Париж. Выступающие представили основные точки зрения на миграционный кризис в Европе.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Главный редактор Издательского дома
Уральского государственного юридического университета
А. Н. Митин

Редакторы *Н. Н. Рассохина, Т. А. Шиловских*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *А. А. Холодилова*

Подписано к использованию 27.01.16.
Уч.-изд. л. 4,75.
Объем 1,66 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Издательский дом
Уральского государственного юридического университета.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru